

РОУЗ КАРЛАЙЛ

ОНИ НЕ ПРОСТО БЛИЗНЕЦЫ.
ОНИ – ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ДРУГ ДРУГА.



ДЕВУШКА В ЗЕРКАЛЕ

Супер белый детектив

Роуз Карлайл

Девушка в зеркале

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.4(931)

ББК 84(8(НоЗ)-44

Карлайл Р.

Девушка в зеркале / Р. Карлайл — «Эксмо», 2020 — (Супер белый детектив)

ISBN 978-5-04-157620-2

Доброта – это придурь. Айрис Кармайл усвоила это с самого детства. Ее сестра-близняшка Саммер получает от жизни все: идеального мужа Адама, роскошный дом и яхту, любовь и восхищение окружающих. И наследство в сто миллионов долларов по завещанию отца тоже определенно получит «идеальная Саммер». А «лишняя близняшка Айрис» останется у разбитого корыта с неудавшимся браком, рухнувшей карьерой и испепеляющей завистью к сестре. Но ей выпал шанс все переиграть, когда Саммер попросила перегнать их семейную яхту через Индийский океан... ..От берегов Таиланда отчалила яхта с двумя близняшками на борту. А на Сейшелах Адам встречает только одну убитую горем женщину, утверждающую, что ее сестра погибла в открытом океане. Но кто знает, которая из близняшек действительно мертва...
МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР. Они не просто близнецы. Они — зеркальное отражение друг друга. Магнетический триллер о соперничестве двух сестер-близнецов, жадности, похоти, смертельных тайнах и лжи. Здесь все совсем не так, как кажется на первый взгляд. А финал поражает воображение даже самого искушенного читателя. «Невероятно увлекательно! Роман, похожий на триатлон: отчасти триллер о порочных близнецах, отчасти детектив, отчасти пикантная семейная драма». — А. Дж. Финн «Непредсказуемый и потрясающе написанный». — Los Angeles Times «Прекрасный дебют... Запутанный сюжет и мощный финал... Настоящий подарок для любителей триллеров». — Publishers Weekly «Леденящая история о том, как личность одного человека погружается в другую...» — New York Journal of Books «Шокирующий и полный твистов page-turner. "Девушка в зеркале" выводит тему соперничества братьев и сестер на новый уровень. Ошеломляющий дебют». — Стефани Вробель «"Девушка в зеркале" захватила меня полностью. В ней есть все: великолепный сюжет, незабываемые персонажи, описание Сейшел. И одна из лучших концовок,

которые когда-либо мне встречались. Эта книга — именно то, чего мы все жаждем сегодня: изысканный, идеальный побег от реальности». — Эйми Моллой «Молодая женщина пытается выпутаться из ситуации, которую создала сама. Острые ощущения захватывают читателя с первой страницы. Играя с читателем, Роуз Карлайл всегда оказывается на шаг впереди. Превосходный психологический триллер и удивительное мастерство для дебюта». — Малкольм Нокс «Такая же волнующая и опьяняющая, как идеальный мартини. Не начинайте читать, если вы не отказались от всех своих планов». — Сара Бейли «Приковывающий внимание триллер с невероятным финальным твистом, которого вы еще не встречали!» — Лив Константин

УДК 821.111-312.4(931)

ББК 84(8(НоЗ)-44

ISBN 978-5-04-157620-2

© Карлайл Р., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роуз Карлайл

Девушка в зеркале

Памяти моего брата, Дэвида Карлайла

Rose Carlyle
Girl In The Mirror

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Rose Carlyle, 2020. This edition published by arrangement with Allen amp; Unwin and Synopsis Literary Agency

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Первые двенадцать дней нашей жизни мы были одним человеческим существом. Мозги нашего отца и красота нашей матери слились воедино в одном благословенном эмбрионе, единственном наследнике сказочного богатства Кармайклов.

А на тринадцатый день мы разделились. Едва успели. Еще один день, и разделение было бы неполным. Мы с Саммер стали бы сиаемскими близнецами – не исключено, что и делящими на двоих какие-то важные внутренние органы, – и в итоге нам светило либо остаться на всю жизнь прикованными друг к другу, либо подвергнуться хирургической операции по разделению, в результате которой обе мы могли остаться калеками.

Но и без того то разделение в материнской утробе вышло далеко не идеальным. Мы с Саммер, может, и похожи друг на друга, гораздо сильнее похожи, чем большинство близнецов, но мы – так называемые «зеркальные» близнецы, зеркальные отражения друг друга. Незначительная асимметрия лица моей сестры – ее правая щека чуть полнее, правая скула чуть выше – в точности воспроизведена на моем лице с левой стороны. Остальные не замечают этой разницы, но когда я гляжусь в зеркало, то вижу там не себя. Я вижу Саммер.

Когда нам было по шесть лет, отец взял в собственной фирме «Кармайкл бразерз» длительный отпуск, и мы всей семьей отправились на парусной яхте в долгое плавание вдоль восточного побережья Австралии и далее в Юго-Восточную Азию. Наш родной городок, Уэйкфилд¹, – последнее место, в котором можно искупаться без риска для жизни; дальше начинается территория, облюбованная крокодилами. Так что в этом плавании мы с Саммер и наш младший братец Бен большую часть времени играли исключительно на борту нашей яхты.

На «Вирсавии» мне нравилось абсолютно все. Яхта эта не серийная – построена она по индивидуальному проекту, и ее поджарый, со стремительными обводами алюминиевый корпус, вооруженный бермудским шлюпом², по полной программе отделан ценными породами дерева: палуба тиковая, внутренняя меблировка из дуба. . . Но больше всего мне приглянулось оригинальное двойное зеркало в санузле. На верфи вставили два зеркала в угол строго перпендикулярно друг другу, да так аккуратненько, что едва различишь линию стыка. Когда я просто смотрелась в одно из зеркал, то, как обычно, видела перед собой Саммер. Но стоило нацелиться взглядом строго между ними, на еле заметную вертикальную линию в самом углу, как все вставало на свои места. Я видела в отражении свое истинное лицо.

– Когда я вырасту, у меня в доме тоже будет такое зеркало! – сказала я как-то Саммер, глядя, как серьезного вида белобрысая девчонка в зеркале шевелит губами в такт моим словам.

Саммер положила свою крошечную ручонку мне на грудь.

– Но, Айрис, ты же вроде всегда любишь повторять, что у тебя все правильно. . . только наизнанку, типа как на левую сторону вывернуто.

– Зеркала не меняют того, что внутри! – Я сбросила ее руку. – А потом, с чего это на левую? Это ведь у меня сердце с правой стороны!

Мы представляли собой самый крайний случай «зеркальности», какой только видели наши врачи. И дело было не только в лицевых отличиях, практически незаметных без точных замеров кронциркулем. Сразу после рождения нам обоим сделали УЗИ, и тут же выяснилось: печень, поджелудочная железа, селезенка, да и вообще все мои внутренние органы располо-

¹ Хотя городок *Уэйкфилд* и одноименная река по соседству с ним в Австралии действительно есть (на самом юге), в данном случае городок вымышленный. Автор поместила его в жаркой северной части штата Квинсленд, на восточном побережье Австралии. (Здесь и далее – прим. пер.)

² Читателей, незнакомых с морскими и яхтенными терминами, отсылаем к глоссарию в конце книги; в тексте таких терминов довольно много.

жены не на той стороне тела. Так-то врачи и определили, что мы разделились слишком поздно. Когда я лежала совершенно неподвижно и смотрела на свою голую грудь, то в такт ритмичному постукиванию внутри поднималась и опадала как раз ее правая сторона, неопровержимо доказывая, что сердце у меня расположено не там, где надо.

У Саммер же все внутри было как полагается. Саммер оказалась без изъяна.

Часть I Айрис

Глава 1 Зеркало

Просыпаюсь в кровати Саммер, уткнувшись лицом в пухлые подушки, раскиданные по белоснежной ткани. От этого опять чувствую себя малолетней девчонкой, ради прикола помевнявшейся местами с сестрой-близняшкой, однако все теперь по-другому. Теперь мы взрослые, а кровать – еще и Адама.

Перекатываюсь на бок, оглядываю супружескую спальню. Все тут огромное и роскошное, все в мягких сливочных тонах, хотя ковер – цвета спелого персика. Есть что-то противоположное в том, что я лежу здесь, пусть даже Саммер с Адамом и в тысячах миль отсюда, даже не в Австралии. Кто-то, должно быть, сменил постельное белье после их отъезда, но я все равно чувствую запах Саммер. Пахнет она всякими невинными вещами: лосьоном от загара, яблоками, пляжем...

Комната просто-таки дышит Саммер, и когда я вспоминаю, что это не она выбирала тут обстановку, невольно поеживаюсь, как от фальшивой ноты. Этот дом уже принадлежал Адаму, когда Саммер вышла за него – вскоре после того, как умерла его первая жена, Хелен. Все тут выглядит практически так же, как и в прошлом году, в день свадьбы Саммер. Словно моя сестра просто заполнила собой то готовое жизненное пространство, которое оставила после себя другая женщина. Она вообще человек неконфликтный.

Широченная кровать пристроилась в выступе эркера, из окон которого открывается до неприличия шикарный вид на уэйкфилдский пляж. Не без труда усаживаюсь – кровать слишком мягкая – и кладу подбородок на изголовье красного дерева, купая лицо в свете восходящего солнца. Бирюза Кораллового моря смешивается с золотистыми осколками отраженных солнечных лучей. Хочется оказаться сейчас в воде, окунуться во все это разноцветие. Есть кое-что, что мне необходимо с себя смыть.

В одну сторону отсюда, с края утеса, видна река Уэйкфилд, которая прорезает землю к северу от города, словно разверстая рана. Впрочем, Саммер всегда обожала эту реку. Поскольку это ареал обитания гребнистых крокодилов, купаться там нельзя. Сестра любит в полной безопасности глазеть на них с моста, который построил наш отец, – это был его самый первый строительный проект.

В другой стороне с севера на юг простирается великолепный пляж, дикий и открытый океанским волнам. На полпути к линии прибоя прочие прибрежные обиталища напрочь затмевает один здоровенный особняк, изумляя публику претензией на викторианский стиль с почему-то византийским налетом. Это дом, в котором мы выросли, – по крайней мере, там мы жили до смерти отца.

Моя мать, Аннабет, похоже, все еще спит в гостевой комнате, так что это мой шанс ознакомиться с законными трофеями Саммер. Доведись мне присматривать за домом, я не стала бы втискиваться в гостевую спальню, но Аннабет просто-таки упивается своей неприятностью. Она и мне пыталась помешать завалиться здесь, когда я явилась вчера на ночь глядя, но я просто не смогла устоять.

Выпутавшись из горы подушек и простыней, потираю босые пятки о толстый ковер. Март в Уэйкфилде – это еще разгар лета³, и когда я начинаю неслышно кружить по комнате, теплый воздух целует мое обнаженное тело. Вчера в это же время я была в новозеландских горах, где зима уже выступила утренний воздух первым морозцем.

Одна стена огромного встроенного гардероба, почти комнаты, сплошь увешана платьями Саммер – просто в глазах рябит от шелка и кружев. Удивляюсь, что выдвижные ящики по-прежнему доверху набиты нижним бельем, хотя они с Адамом планировали провести за морем не меньше года. Бельишко – типичное для скромняшки Саммер, всё в цветочках-розочках, целомудренного фасона, что больше к лицу десятилетней девчонке, а не замужней женщине двадцати трех лет от роду. Его тут просто немерено, она наверняка и не заметит, если половина пропадет – хотя не то чтобы я мечтала прибрать что-то к рукам. Наверное, на яхте все ее шмотки просто не поместились.

На яхте. На «Вирсавии». Вот в этом-то вся и загвоздка. Вот почему я чувствую себя так, будто мы с Саммер поменялись местами. Потому что Саммер – на «Вирсавии». А «Вирсавия» – не моя, она никогда не была моей и никогда не будет моей, но почему-то мне кажется, что так быть не должно. Такое чувство, будто Саммер спит в моей постели, на моей яхте.

Сестра никогда не любила «Вирсавию», но теперь «Вирсавия» – это ее дом. Они с Адамом купили ее, купили честь по чести из оставшегося после отца имущества, и теперь владеют ею точно так же, как владеют домом, в котором я сейчас остановилась.

А чем владею я? На глазах уменьшающимся банковским счетом, обручальным кольцом, которое мне больше на фиг не нужно, кое-какой мебелишкой, которую я оставила в Новой Зеландии... Фортепиано, на котором я наверняка больше не буду играть... Да и инструмент по-любому был дешевый. У Саммер с Адамом есть получше.

Подхватываю лифчик и трусики такого невинного вида, что это почти детское порно. От желтой хлопчатобумажной ткани в клеточку за версту разит школой-интернатом – хоккейными клюшками и холодными ваннами. Лифчик размера «DD», а я ношу просто «D», но он мне вроде впору. Влезаю в трусики. Хочу поглядеть, как Саммер во всем этом смотрелась.

Когда уже застегиваю лифчик, где-то в глубине дома звонит телефон. Блин, он разбудит Аннабет! Похоже, придется смириться с необходимостью иметь дело и с ней, и с ее вопросами насчет того, почему я свалилась сюда как снег на голову. Вчера вечером я сделала вид, будто падаю с ног от усталости.

Не успеваю даже подумать, как Аннабет врывается ко мне.

– Здесь она, здесь, – говорит она в трубку, семеня через спальню в старомодной ночнушке. Ее светлые волосы, тронутые сединой, распушились и торчат во все стороны. Моя мать уже в том возрасте, когда требуются макияж и средства ухода за волосами, чтобы добиться той красоты, с которой она родилась; сейчас мама выглядит не лучшим образом. – Нет, нет, она уже встала... Ой, какой чудный лифчик, Айрис! У Саммер точь-в-точь в такую же клеточку.

Ее сонные голубые глаза близоруко присматриваются ко мне. Она машет трубкой у меня перед лицом, словно я не увижу ее, если только не сунуть ее мне прямо под нос.

Выхватываю телефон, шикаю на Аннабет, чтобы убралась из комнаты.

– И дверь за собой закрой! – кричу ей вслед.

Интересно, кто мне может звонить? Да кто вообще в курсе, что я вернулась в Австралию, не говоря уже о том, что я в доме сестры?

– Алло? – Мой голос звучит опасливо, словно меня застукали там, где мне быть не положено.

³ Наверное, стоит напомнить, что Австралия расположена в Южном полушарии, и наши весенние и летние месяцы там соответственно осенние и зимние.

– Айрис! Слава богу, что ты там! – Это Саммер. Ее голос прерывают судорожные всхлипы. – Тебе придется мне помочь! У нас беда. Только ты сможешь нам помочь!

Не могу до конца сфокусироваться, поскольку гадаю, не сдала ли меня с потрохами обмолвка Аннабет. Посягательства на личные шмотки порой способны пробудить у Саммер прямо-таки животные территориальные инстинкты. Но, похоже, моя сестра ничего не слышала. Твердит что-то про Адама – что-то насчет того, как я ей нужна, как я нужна Адаму... Он, мол, хочет, чтобы она сказала, что это его идея, и буквально молится на то, что я соглашусь.

Взгляд упирается в вешалку с белыми деловыми рубашками Адама. Каждая хранит его очертания, словно шеренга невидимых Адамов одета в них, выстроилась здесь в гардеробе передо мной. Рубашки так широки в груди, с такими длинными рукавами... Снимаю одну вместе с плечиками, подношу к лицу. От нее пахнет гвоздикой. Представляю себе Адама в этом девственно-белом, подчеркивающим его смугловатую кожу, от которой словно постоянно пышет жаром...

– Бедный малыш, у него пиписька распухла и покраснела, и из нее что-то сочится... Просто ужас! Крайняя плоть так растянулась... Он все время плачет.

О чем это вообще она? Просто сгораю от любопытства. Мы, конечно, близняшки, но у нас все-таки *не такого рода* отношения. Никогда раньше не слышала, чтобы Саммер обсуждала чей-то пенис, не говоря уже о пенисе собственного мужа. Что еще за хрень там с ним приключилась?

– Самое ужасное, что у него эрекция! Это очень болезненно. У малышей бывает эрекция, знаешь ли. Тут ничего сексуального.

У малышей?

– погоди-ка, – говорю. – Так ты про Тарквина?

– А о ком еще я могу говорить?

Молчание.

Тарквин. Еще одно сокровище, которое Саммер получила после смерти Хелен, до кучи с домом Хелен и мужем Хелен. Ребенок.

Саммер – теперь мать Тарквина. Адам и Саммер сошлись на том, что Тарквин заслуживает нормальную семью, так что тот, видать, называет Саммер «мамуля». Или, по крайней мере, будет называть, если этот шкет в принципе когда-нибудь научится говорить.

– Саммер, вообще-то я в курсе, что у маленьких мальчиков бывает эрекция, – замечаю я. – У нас с тобой есть младший братик, если ты вдруг забыла. Я уже видела такие вещи.

Саммер искренне считает, что я ни черта не знаю про детей, постоянно растолковывая мне, что их нужно ежедневно купать, вовремя укладывать спать и тэдэ и тэпэ, словно полной дуре. Меньше всего мне сейчас хочется думать про Тарквинову пипиську, особенно если из нее что-то капает.

– Поверь мне, лично я ничего подобного не видела, – заверяет Саммер. – Положение угрожающее. Может распространиться инфекция. Врачи говорят, что он может потерять пенис. Он может *умереть!* – Это слово прерывается всхлипом. – Ему нужна операция! Срочное иссечение крайней плоти. Его нельзя отправить самолетом домой. Его оперируют сегодня, здесь, в Пхукете. Мы в международном госпитале.

Голос Саммер дрожит и сбивается. Она явно на грани истерики, в любой момент разразится криками и потоком слез. Из нас двоих именно Саммер обычно отличается уверенным спокойствием и благодушием, в то время как я – дерганая и стервозная; но когда действительно припрет, как раз именно я сохраняю ясную голову.

И вот теперь вхожу в роль. Вешаю рубашку Адама обратно в шкаф, расправляю, разглаживаю. Никто и не поймет, что ее трогали.

– Международный госпиталь – это уже обнадеживает, – авторитетно произношу я.

– Да, – отвечает она. – Они тут так добры к нам...

– Это хорошо, и хорошо, что позвонила мне, – отзываюсь я. Повторяю слово «хорошо», как мантру, успокаивая Саммер. – Естественно, чем смогу, помогу. Выходит, ты еще не говорила Аннабет?

– Я не смогла... – Голос Саммер опять пресекается.

– Ну давай тогда я скажу... Она уже сегодня может вылететь в Пхукет. Я вполне могу присмотреть за домом пару дней.

Нет ответа.

– Столько, сколько вам с Адамом понадобится, – щедро добавляю я.

– Нет, нет, Айрис, нам нужна ты, а не мама.

Голова у меня идет кругом. Саммер нужна я. Адаму нужна я. Но зачем? Опыт с младенцами у меня почитай что нулевой. У Тарквина уже есть оба родителя. Единственные родители, которых он знает, во всяком случае. На что я-то им сдалась?

На миг представляю себя в Таиланде – как шатаюсь по Королевской марине Пхукета с ее флотилией суперяхт, потягиваю коктейли. Крепкие, а не ту невинную детскую бурду, которую заказывал нам отец, когда мы были малолетками. Наверняка ведь не все эти яхтсмены-миллионеры гоняются за тайскими девицами. Кто-то из них должен предпочитать блондинок.

Но о чем это я размышляла? Тарквин заболел. Похоже, что у него отгнивает пенис. Времени на выпивку и флирт не будет. Сто пудов.

– Мы попали в серьезный переплет, Айрис, и не можем рассказать обо всем просто первому встречному. Только тем, кому стопроцентно доверяем. – Саммер примолкает.

– Ну, мне-то уж можно рассказать, – говорю я.

– Конечно, – отзывается Саммер. – Как я только что сказала, это нужно держать в тайне. Дело в том, что разрешение на временный ввоз «Вирсавии» просрочено. Мы уже оформили выход из Таиланда. Приготовились к отплытию, но тут такие классные пляжи... В общем, подумали, что можно провести тут еще пару недель на тихой якорной стоянке и никто ничего не узнает. Мы и представить не могли, что Тарквин вдруг заболевает. Очень некстати! Если таможня узнает, что «Вирсавия» до сих пор в Таиланде, ее конфискуют. Народ здесь замечательный, но коррупция просто жуткая.

Саммер подает это так, будто коррупция – типа какая-то болячка вроде малярии и что бедный Тарквин страдает не по причине какого-то их собственного косяка. Но мне слишком уж хочется узнать побольше, чтобы препираться с ней.

– Так от меня-то ты чего хочешь?

– Ой, Няшка, даже не знаю, как и просить тебя о таком большом одолжении!.. Адам – неплохой яхтсмен, но у него опыт в основном прибрежных плаваний. А ты сама знаешь, что такое открытое море. До Сейшел реально длинный переход, две недели как минимум, а конец сезона уже на носу. В апреле пойдут тайфуны, но мы по-любому не можем ждать до апреля. Нам нужно вывести «Вирсавию» из Таиланда прямо сейчас. Ты всегда была такой отличной яхтсменкой, Айрис!.. Мы оплатим тебе перелет, естественно, и Адам говорит, что ты можешь выбрать любые вахты, какие захочешь.

Пока Саммер говорит, я отступаю обратно в ее спальню и подхожу к эркерному окну. Далеко внизу яркими искорками поблескивает вода, закручиваясь водоворотами вокруг побелевших от солнца камней. Просто не могу позволить себе поверить словам Саммер. Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я уже растаяла, просочилась через стекло и теперь лечу над океаном, обернувшись радостным оттенком аквамарина.

Теперь на заднем плане – голос Адама. Низкий, глубокий, с характерными сейшельскими модуляциями. Не слышал ли он наш разговор всю дорогу? «Скажи ей, что я возьму на себя все ночные вахты», – подсказывает он. Голос становится тише, но по-прежнему смутно слышен. Прижимаю телефон сильнее к уху и прикрываю глаза, напряженно вслушиваясь.

«Верить или нет, но Айрис и вправду обожает рулить ночью», – отвечает Саммер. Когда она обращается к Адаму, ее голос становится ровным, плавным, чуть ли не игривым. Неудивительно, что я едва могу вытерпеть хотя бы несколько минут в компании своей сестры и ее мужа.

Но, похоже, мне не придется провести особо много времени с ними обоими. Судя по всему, план состоит в том, что Саммер останется в Пхукете с Тарквином и его опухшими гени- талиями, а я оставлю позади свою неудавшуюся работу, неудавшийся брак и неудавшуюся жизнь и двину через Индийский океан на яхте, которую любила с детства. И кто же отправится вместе со мной? Мой зять – богатый, красивый, харизматичный Адам Ромен!

Представляю себе, как плыву на Сейшелы, в эту страну-мечту кокосовых пальм и идил- лических пляжей, но я не простая туристка, поскольку мой муж – местный житель, так что это в некотором роде возвращение домой...

Ну, не муж в моем случае. Зять. Хотя без разницы.

– Конечно же, я хочу помочь! – говорю в трубку. – Но у меня тут куча собеседований насчет работы назначено...

Это полная брехня – я пока даже и не начинала искать вакансии. Все пыталась придумать, как объяснить потенциальным работодателям, почему я ушла с последнего места работы.

– И у меня куча неоплаченных счетов.

Голос Саммер, когда проявляется вновь, звучит уже тише.

– Мы всё оплатим, – заверяет она. – Перелет, долги, которые тебе нужно заплатить, – всё, что тебе нужно. Прости, Айрис. Я знаю, что тебе пришлось несладко, когда Ной тебя бросил. Я знаю, что некрасиво тебя просить... Если б я только не оказалась в таком отчаянном положении! Если б мы не оказались в таком отчаянном...

Не такая уж частая ситуация, чтобы Саммер в чем-либо нуждалась. Всю нашу жизнь ее вполне устраивало то, что у нее есть; она всегда была вполне довольна собственной жизнью. Как, впрочем, и любой, у кого была бы такая жизнь. Но мне нельзя особо затягивать. Похоже, она реально расстроена – и через секунду ей стукнет в башку попросить кого-нибудь еще...

– Я сделаю это, – говорю я. – Я сделаю это ради тебя, Няшка.

Саммер радостно визжит в трубку.

* * *

За какие-то несколько минут все распланировано. Адам уже нашел прямой рейс у себя на смартфоне. Я вылетаю из Уэйкфилда прямо сегодня утром. У меня всего час, чтобы собрать вещички и рассказать обо всем матери, прежде чем отправиться в аэропорт. Вечером я уже буду на Пхукете. На борту «Вирсавии».

Голос Адама в трубке:

– Какая у тебя дата рождения? Ой, блин, фигню спорол – естественно, и так знаю... А второе имя какое? Такое же, как у Саммер?

– Нету второго имени.

– Что, правда? Просто Айрис? Супер, мне же проще. Коротко и ясно. Повиси-ка на тру- бочке, зайка... Айрис... на сайте подтверждают бронирование.

Он всегда называл меня зайкой? Эта мысль производит на меня сильный эффект. Я ощу- щаю ее буквально всем телом. Краснею от стыда – надо и вправду вылезти из клетчатых трусов Саммер.

Но Адам уже прощается. На заднем плане Саммер спрашивает о прививках Тарквина, но у Адама нет ответов на ее вопросы. Он всегда такой рассеянный, что я просто диву даюсь, как это он ухитряется рулить турфирмой. Роль администратора в этой семье целиком и полностью лежит на Саммер. Он передает ей телефон, и она просит меня отправить справки о прививках Тарквина по электронной почте. Потом вешает трубку.

Найти справки легко. Саммер держит их в папках в гардеробе. Меня поражает ее чрезвычайная организованность. Вся ее жизнь выложена здесь в письменном виде – есть даже папка с надписью «Любимые блюда Адама». Когда я вытаскиваю ее с полки, на пол падает руководство по сексу. «Тысячелетняя Камасутра». На вид довольно потрепанное.

Можно рыться здесь хоть целый день, но мне пора пошевеливаться. Надо одеться, что-нибудь съесть, рассказать Аннабет про план. Мать едва успела уложить в голове мое неожиданное появление, и вот я опять исчезаю. Насчет Тарквина она тоже расписуется. Мама относится к этому поганцу как к своему родному внуку.

Но сперва я бросаюсь в ванную комнату, чтобы хотя бы одним глазком посмотреть, как Саммер выглядит в своих девчоночьих клетчатых трусишках. И вот тут-то я это и замечаю. Единственную вещь, которую Саммер изменила в доме.

Две здоровенные зеркальные панели стояли, должно быть, целое состояние, и наверняка пришлось изрядно повозиться, чтобы их сюда вкрячить. На вид они больше дверного проема. Установили их очень аккуратно. Строго под прямым углом, стык практически незаметен. Даже лучше, чем те на яхте.

Это меня ничуть не взволновало бы, не грызло бы изнутри, если б Саммер действительно мечтала иметь двойное зеркало. Мы же близняшки – нельзя винить ее за то, что ей захотелось того же, что и мне. Но Саммер всегда было совершенно плевать, кого она там видит в зеркале. Тема «зеркальных близнецов» ей всегда была глубоко по барабану. Насколько я понимаю, она установила эти зеркала просто потому, что они хорошо смотрятся. Прекрасно вписываются в интерьер, и при открытой двери спальни в них отражаются эркерное окно и океан за ним...

Блин, даже те вещи, до которых Саммер никогда не было никакого дела, она получает первой!

Напряженно всматриваюсь в стык поставленных углом зеркал. Девушка в зазеркалье напряженно смотрит на меня в ответ. На ней желтые трусики и лифчик Саммер, но это не Саммер. Левая щека у нее чуть полнее, левая скула чуть выше.

Девушка в зеркале – это я.

Глава 2

Завещание

Был момент, когда Саммер считалась единственным ребенком. У Аннабет есть эдакая божемная жилка, и она категорически отказывалась во время беременности делать УЗИ, пусть даже отцу отчаянно хотелось узнать пол младенца. И живот у нее был не слишком-то большой. Ничто не указывало на то, что там двое.

В итоге выяснилось, что там девочка. Моя мать подхватила розового белобрысого младенца на руки и нарекла его именем, которое лелеяла всю свою жизнь: Саммер Роуз.

И вот тут-то они и просекли, что на подходе еще и я. Отец явно почувствовал, что его рухнувшие было надежды возрождаются вновь – что все-таки есть шанс получить сына. Аннабет же просто надеялась, что мы не окажемся одинаковыми близнецами.

Оба были сильно разочарованы. Мой отец, со свойственной ему железной логикой, предложил назвать нас Саммер и Роуз, но Аннабет не стала делить на двоих имя, которым уже одарила мою сестру.

Позже в тот день кто-то принес моей матери охапку ирисов, и что-то в этих ершистых, ничем не пахнущих цветах, видать, ее зацепило, поскольку именно так меня родители и назвали. Аннабет всегда рассказывала эту историю, словно та была наполнена неким глубоким смыслом, но мне никак не избавиться от мысли, что она просто тупо оглядела больничную палату и назвала меня в честь первой же вещи, которая попала ей на глаза, – просто потому, что всегда хотела, чтобы Саммер была Летней Розой⁴.

С саквояжем в руке спешу из спальни Саммер и Адама вниз по ажурной просвечивающей лестнице, ступеньки которой словно висят прямо в воздухе. Я уже подрядила своего дядю Колтона подбросить меня в аэропорт, поскольку в последнее время у Аннабет совсем швах со зрением. Не разрешаю ей поехать со мной. После звонка Саммер я ухитрилась наскоро состряпать собственную полуправду, так что теперь мама в полной уверенности, что причина моего появления в Австралии – это необходимость срочно вылететь в Таиланд и помочь с «Вирсавией». Но она все равно буквально засыпала меня вопросами про Ноя.

В компании дяди Колтона проще, хотя с возрастом его схожесть с отцом буквально вызывает оторопь. Когда я спускаюсь вниз, Колтон уже стоит бок о бок с моей матерью в просторной белой гостиной, где все залито солнцем из световых окон в крыше – очередная затея Адама. Оба разглядывают огромное фото новорожденного Тарквина на стене, где он куда больше натуральной величины. Тарквин на снимке тщедушный и замороженный, с дыхательными трубками в носу, и держит его не умирающая мать, а юная акушерка.

Стоя рядом, мой дядя и моя мать оба выглядят одинаково блондинистыми и хорошо сохранившимися, и меня пронзает грязная мыслишка, что Аннабет вполне может привлечь такая поразительная реинкарнация ее супруга. Правда, зрение у нее такое, что вряд ли она способна в полной мере оценить сходство. У Аннабет макулярная дегенерация, так что все в ее мире отображается в низком разрешении.

– Так все это, естественно, вещички Хелен – мебель, рояль? – интересуется дядя Колтон. Хелен была профессиональной пианисткой, и ее концертный «Стейнвей» по-прежнему занимает в гостиной Адама и Саммер почетное место. Он совершенно не вписывается в окружающую обстановку – черный и тяжелый, где все остальное легкое и светлое.

– Насколько я понимаю, никто на нем не играет? – добавляет он.

⁴ Айрис (англ. Iris) – ирис; Роуз (Rose) – роза; Саммер (Summer) – лето.

– По-моему, Саммер с Адамом надеются, что Тарквин научится. – Аннабет выпускает тяжелый вздох. – Забавно, что у Саммер такой чудесный рояль, а играет-то у нас Айрис...

«Забавно» – не совсем то слово, которое использовала бы лично я. Так и подмывает открыть крышку и пробежаться пальцами по этим девственным клавишам, позволить сладкой, теплой музыке наполнить пространство вокруг, но я уже опаздываю.

По пути в аэропорт дядя Колтон пребывает в своем обычном занудном амплуа. Все бубнит и бубнит про то, каких чудесных девочек воспитывает Франсина да как хорошо Вирджиния успевает в школе, но как минимум половину я пропускаю мимо ушей. Его послушать, так можно решить, что Франсина – это его собственная жена, а не вдова его брата. Не одна из трех жен, которых тот благополучно бросил.

В зале вылета, распрощавшись с дядей и оставшись наконец на собственном попечении, позволяю себе обычную развлекуху – выискиваю в толпе близнецов и действительно нахожу несколько пар. Большинство людей просто не замечают близнецов, даже одинаковых, как только те вырастают из той фазы, когда и одеваться принято одинаково. Некоторые близнецы так же похожи, как мы с Саммер, но им вполне хватило просто сделать разные прически и одеться по-разному, чтобы на них особо не пялились.

Но мимо меня никогда не пройдут и другие близнецы. Я могу засечь даже разнояйцовых близнецов, поскольку выдает их отнюдь не внешность.

Вот мимо проходят брат и сестра, совсем еще подростки, с одинаково глубокими меланхолическими глазами. Через несколько секунд они скрываются из виду, но я уже знаю. Она на полголовы выше, грациозная и женственная, в то время как он – все еще нескладный белобрысый пацан. Большинство людей подумают, что она на год или два старше, но это ничуть не волнует парня. Они только подхихикивают над этим на пару и ждут того дня, когда он перерастет ее на голову. Я-то уж разбираюсь в таких вещах.

То, как они перешептываются на ходу, – улыбаясь, прижимаясь друг к другу головами, – это первый ключ; но выдает их в первую очередь то, что он несет ее дорожную сумку, как свою собственную. Ну кто из парней-подростков потащит сумку своей сестры? Брат-близнец, вот кто.

Дальше – какая-то семья устраивается на сиденьях напротив меня. Мама, папа и две девчонки с одинаковыми лицами. Материковые китайцы. Я обычно не слишком-то хорошо угадываю этническую принадлежность, но китайских близнецов всегда можно отличить по торжествующим улыбкам их родителей: «Вот вам ваш закон иметь только одного ребенка! Съели?» Эта улыбка, похоже, не сходит у них с лиц до скончания их дней. Если вы спросите меня, то они просто чокнутые. Лично я постановила себе придерживаться этого китайского закона еще в четырнадцать лет. Вообще запретила бы себе иметь детей, если б не определенные сложности. Если б не завещание моего отца.

Юные китаяночки уже вошли в ту фазу, когда близнецы отказываются одеваться одинаково, – одежда у них демонстративно разная. Одна в платье, другая в джинсах. У одной короткая стрижка, пусть даже ей это совершенно не идет. Она страдает за компанию.

Хотя, как бы по-разному они ни выглядели, им неведомо, как перестать вести себя как близнецы. Вот их мать выуживает из сумки контейнер с едой и вручает обеим пару яиц вкрутую – Саммер тоже из таких, вечно пичкает чем-нибудь Тарквина, явно опасаясь, что в один прекрасный момент тот бухнется в голодный обморок. Близняшки тянутся за яйцами одним единым движением. Одна чистит яйцо от скорлупы, а вторая ждет, а потом все та же первая близняшка чистит и второе яйцо. Вдумчиво потрошит оба и отдает желтки сестре, оставив себе белки. И только тут обе начинают есть, словно по какой-то неслышной команде. Каждая закидывает содержимое левой руки в рот, потом правой. Обе синхронно жуют.

Я, конечно же, и раньше уже встречала подобных близнецов. Хлоя и Зоя, мои подруги в юридической школе в Мельбурне, были как раз такого типа. У них были общие одежда, друзья,

секреты. Они едва могли поверить, что я бросила свою сестру-близняшку в другом городе – Саммер осталась в Уэйкфилде и пошла учиться на медсестру. Обязательство на четыре года разлучиться с сестрой было одновременно и лучшим, и худшим решением в моей жизни. Да, постоянных сравнений со стороны окружающих мне удалось успешно избежать, но вот от собственных сравнений удержаться все равно не вышло – после отъезда из Уэйкфилда пришлось равняться на версию Саммер из социальных сетей, где она представала даже в еще более блистательном образе, чем в реальной жизни.

Для того чтобы до конца понять отношения Хлои и Зои, мне хватило узнать, что всякий раз, когда у одной из них начинались месячные, второй тут же незамедлительно отправлялась эсэмэска. Лично я предпочитаю не знать, когда у Саммер «дела». И меня просто бесит, что изо дня в день она демонстративно надевает исключительно белые или светлые трусики, словно девушка из рекламы тампонов. Плюс мысль о месячных Саммер всегда напоминает мне про тот чертов конкурс красоты.

Было ли время, когда мы с ней были как Хлоя и Зоя или как те близняшки, что сообща лакомились яйцами? Честно говоря, не могу припомнить. Саммер вполне могла быть той из них, которая чистила яйца и позволила своей сестре съесть оба желтка. Все всегда знали, какая она сердечная. Вечно помогала всяким убогеньким и несчастненьким. И как бы мы ни были похожи, Саммер почему-то всегда казалась красивей. Была у нее и какая-то внутренняя красота.

В общем, если и было такое время, то последний поступок моего отца все безнадежно испортил. После его смерти мы с Саммер уже ничем не напоминали других близнецов. Отец ясно дал мне понять, что на двоих ничего не делится. Есть только одна жизнь, за которую нам придется побороться.

* * *

Риджфорд Кармайкл, больше известный как Ридж – хотя у меня никогда не хватало духу называть его просто по имени, как я поступала с Аннабет, – представлял собой типичного «осси»⁵, добившегося успеха в жизни исключительно благодаря собственным усилиям и гордящегося всем тем, чего люди во всех остальных странах обычно стыдятся: предками-каторжниками, необразованностью, тремя своими женами, каждая из которых была младше, блондинистой и плодовитой предыдущей...

Еще с самого детства я знала, что «Кармайкл бразерз» – строительная фирма, но, похоже, у отца имелись и еще предприятия, так что до сих пор до конца не пойму, откуда к нему стекались все эти деньги. Он вечно проворачивал какие-то сделки с недвижимостью, кормил-поил политиков, постоянно мотался за границу... Это был мужчина могучего сложения, с грубым, обгоревшим на солнце лицом. И хотя он был больше чем на десять лет старше Аннабет, это ничуть не бросалось в глаза – Ридж оставался шумным и энергичным до самого последнего дня своей жизни.

Отец рос круглым сиротой – ни родителей, ни даже каких-то дальних родственников. Детство его прошло по приемным семьям да сиротским приютам. Похоже, всё, что он знал о своем происхождении, это что кого-то из его предков переправили сюда из Англии за кражу пивной кружки в пабе.

Наверное, как раз по этой причине отец был просто помешан на поддержании собственной династии. Когда ему исполнилось двадцать два, он вдруг выяснил, что у него есть младший брат, и оформил опеку над Колтоном, которому тогда было всего двенадцать. Отец отдал

⁵ «Осси» (англ. Aussie) – австралиец, обычно белый и гордящийся тем, что он коренной австралиец (невзирая на тот факт, что основу белого населения Австралии составляют потомки английских каторжников).

Колтона в лучший частный интернат Уэйкфилда. Колтон стал его протеже, а потом и деловым партнером.

Отец не заводил детей, пока не нажил миллионы, а к тому времени его первая жена, Маргарет, уже порядком состарилась. После развода с ней отец не стал повторять прежнюю ошибку – нас с Саммер зачали в новом супружестве еще во время медового месяца. Когда после рождения нашего младшего брата Аннабет объявила, что с нее хватит, отец на сей раз сбежал к Франсине, которая на тот момент едва успела окончить католическую школу. Но я до сих пор так окончательно и не сознаю всех масштабов его одержимости населить мир.

Таковы факты его жизни, но они далеко не в полной мере отражают то, что представлял собой отец. Наверное, чтобы описать его, достаточно сказать следующее: он не любил добрых и отзывчивых людей. Я выяснила это, когда в последний раз видела его живым.

* * *

Вскоре после того, как нам с Саммер стукнуло четырнадцать, в начале декабря наша семья собралась за ужином в большом доме на Бич-Пэрейд. Аннабет рассказывала про свою встречу с каким-то бомжом. Незадолго до этого она повела нас с Саммер в «Биллабонг»⁶, чтобы мы выбрали себе всякие пляжные шмотки в подарок на Рождество, – многочисленные коробки в магазинной рождественской упаковке уже лежали под елкой. Подходя к торговому центру, Аннабет пожелала счастливого Рождества какому-то бродяге, от которого несло, как от помойного ведра, и протянула ему двадцатку. Тот без лишних слов выдернул купюру у нее из руки и направился напрямиком в винный магазин.

– Прямо у меня на глазах! – воскликнула Аннабет, в сердцах шмякнув отцу на тарелку щедрую порцию каннелони с индейкой. Тот приподнял тарелку, проверяя, не кокнул ли ее большой серебряный половник.

– Так ты этому хрену прямо перед винным отделом башли всучила? – уточнил отец.

– Я пытаюсь вырастить наших детей добрыми и отзывчивыми людьми! – гордо объявила Аннабет.

– Доброта – это придурь, – сказал отец, а потом вдруг повернулся ко мне и подмигнул.

Я заглотила наживку. Саммер всегда считалась красой нашей семьи – даже тогда я знала это, а Бен был единственным мальчиком, наследником. Но именно мне отец адресовал свою специфическую шуточку.

Я внимательно изучила мать, брата, сестру. Аннабет, которой хватило ума дать деньги алкашу возле винного магазина. Бена, которому всего десять, слишком маленького даже для своего возраста, – такого неженку, что отец давно оставил любые попытки научить его охотиться, хотя по консервным банкам мой братец пулял уже на удивление метко. И Саммер – ну, Саммер есть Саммер.

Но я-то Айрис, нежданная двойняшка, лишняя двойняшка, и, подмигнув мне, отец указал мне на мое новое место в семье. Излишней добротой не страдает. Не придурочная, как некоторые.

Вот потому-то я всегда и думала, что спокойно могу рассчитывать хотя бы на законно причитающуюся мне долю семейных денег – хотя не то чтобы ожидала, что отец вскоре помрет. Любой другой глава семейства на его месте, скорее всего, особо не замечал бы меня, затерявшуюся в тени ангелоподобной сестрички, но мой отец, похоже, всегда ценил мой довольно циничный подход к действительности. Риджу была невыносима мысль о том, что его деньги могут пропасть втуне, а для того, чтобы не остаться с носом, требуются отнюдь не доброта с

⁶ «Биллабонг» – австралийский бренд одежды и снаряжения для активного отдыха и занятия серфингом и сноубордингом, представленный одноименной сетью спортивных магазинов.

отзывчивостью, а изрядная доля уличной смекалки. Похоже, отец считал, что эта задача мне по плечу.

К тому моменту наши родители уже развелись – что, наверное, частично объясняет произнесенные во всеулышание за ужином заявления отца относительно умственных способностей Аннабет. Может показаться странным, что иногда он являлся к нам на ужин – через четыре года после того, как бросил нашу мать, – но дом на Бич-Пэрейд по-прежнему принадлежал ему. Позже, уже поступив в юридическую школу, я терялась в догадках, как, черт возьми, после двух разводов он ухитрился сохранить свою недвижимость в целости. Наверное, Аннабет предпочла в очередной раз проявить свою доброту, для своего же блага. А может, судьи просто побаивались Риджа Кармайкла – человека, владеющего половиной Уэйкфилда. В чем бы ни было дело, после своей смерти отец оставил своих трех жен и семерых детей без забот разве что о хлебе насущном и крыше над головой. А вот что касается его сказочного состояния, то здесь начинается самое интересное.

Первые годы после развода мы продолжали обитать все в том же доме на пляже. Отец переехал к своей подружке, Франсине, жившей в пентхаусе в самом центре Уэйкфилда. У нее уже была двухлетняя дочка, которую звали Вирджиния. Все мы сошлись во мнении, что это дочь Франсины от первого брака.

Когда отец женился на Франсине, фамилию Вирджинии изменили на Кармайкл. Я по-прежнему не задавалась вопросом, кем мог быть ее отец, хотя у матери наверняка имелись на этот счет собственные подозрения. Впрочем, Аннабет никогда и слова не сказала против бывшего мужа. Вела себя так, будто, для начала, ей жутко повезло быть женой такого человека, пусть даже женщиной она была очень красивой, с мягким характером – просто созданной для супружества, идеально подходящей мужлану вроде Риджа. Судить о том, что нашу мать что-то расстраивало, можно было только по тому, что она с еще большим пылом окунулась во всякие домашние дела – пылесос неистово бился о мебель, подушки яростно взбивались и летели обратно.

К тому времени, как нам с Саммер исполнилось четырнадцать, Франсина с пулеметной быстротой нарожала еще троих детишек: Вики, Валери и Веру Кармайкл. Как и сама Франсина, девчушки оказались даже слишком уж блондинистыми, чтобы называться блондинками, – волосы у них были абсолютно белыми. Рождение четвертой дочки Франсины изменило расстановку сил. Теперь численный перевес оказался на их стороне, и Франсина стала все чаще вякать на ту тему, что неплохо бы поменяться домами. Как оказалось, Ридж владеет обоими. Ну конечно, кому хочется жить в квартире с четырьмя детишками – пусть даже если это многоуровневый пентхаус с садиком на крыше и плавательным бассейном! – но не знаю, насколько преуспела бы в этом Франсина, если б отец вдруг не умер.

После того ужина, целуя отца на прощание, я стала упрашивать его взять меня с собой в намеченный отпуск, который он намеревался провести под парусами. После развода отец каждое лето отправлял Саммер, меня и Бена самолетом в Таиланд, но в тот год он брал с собой Франсину с ее выводком.

– Я помогу вести яхту, папа! – взывала я тогда. – Я даже могу помогать с детишками!

Отец расхохотался.

– Оставайся здесь и помогай своей матери, – ответил он. – Не давай ей разбазаривать мои денежки.

А через две недели с отцом случился инфаркт – прямо на причале возле пляжа на юге Пхукета. Медики констатировали смерть непосредственно на месте. Франсина говорила, что его тело пришлось доставлять на берег на тук-туке⁷, поскольку древний причал оказался слишком хлипким, чтобы выдержать вес «скорой».

⁷ Тук-тук – трехколесный мотороллер, использующийся в Таиланде в качестве такси, легкого грузовичка и пр.

Через два дня Франсина со своими детьми вернулась в Австралию. Яхтсмены, живущие на своих лодках в Пхукете – разношерстная компания хиппи, морских волков и мечтателей со всех концов света, – дружно объединили усилия, чтобы помочь молодой вдове. Организовали переправку тела отца со всеми необходимыми формальностями, кормили и успокаивали детишек, перегнали «Вирсавию» обратно в марину и подняли ее на кильблоки, где она простояла в полном забвении следующие девять лет, поскольку никто в нашей семье не знал, что с ней делать.

Я уже встречала таких людей, этих морских бродяг, путешествуя с отцом. Он мог иногда выпить с ними, но порой казалось, что общается он со всей этой компанией исключительно для того, чтобы собирать истории об их глупости: какие они «чайники» при работе с парусами и на швартовках, как невыносимо скучна их жизнь, как тайские торговцы обдирают их как липку... Добрые, отзывчивые люди, цедил он, словно хуже этого нет ничего на свете.

И теперь я все поняла. Доброта – это придурь.

На похороны отца Аннабет обрядилась в черный шелк, а Франсина – в черный атлас. Франсина, вся в жемчугах, возглавляла шествие призрачно-бледных дочек в одинаковых белых платьицах, их абсолютно прямые белобрысые волосенки были стянуты назад длинными черными лентами. Аннабет – повыше ростом, хоть и с куда менее величавой фигурой – прикрывали с флангов мы с Саммер в шитых на заказ льняных платьях и Бен в своем первом настоящем костюме. У Аннабет – всего трое детей, но у нее еще и мальчик. Франсина – новейшая, самая молодая жена, но Аннабет все равно красивей. А потом, у Аннабет имелся дом на пляже. Или, по крайней мере, как мы тогда думали.

Маргарет на похороны не явилась. По-моему, она единственная из отцовских жен знала, что он на самом деле за фрукт. И мне это тоже предстояло узнать, прежде чем даже успела начаться заупокойная служба.

Похоронный зал, в котором происходило прощание, принадлежал одному из тех оказывающих комплексные услуги предприятий, которые ставят своей целью никого не обидеть и в результате больше напоминают бездушный железнодорожный вокзал. Когда мы там появились, какой-то мужчина с тихим голосом и пугающе розовой кожей отвел Аннабет в сторонку. Объяснил, что гроб отца закатят на заупокойную службу на тележке. Мол, техника безопасности и все такое.

Хотя по-любому не знаю, набралось бы у отца хотя бы шестеро верных друзей, чтобы нести гроб. На службу явились сотни людей, но они явно не были закадычными друзьями отца. Помимо родственников, я никого из них не знала. Все улыбались и безмятежно болтали друг с другом. Никто не удосужился хотя бы ради приличия пустить слезу.

Розовый человек спросил мою мать, не желает ли кто-нибудь из нас «взглянуть на покойного, прежде чем гроб будет закрыт для церемонии». Махнул рукой в сторону тихого коридора в глубине зала, в который продолжала вливаться толпа жизнерадостных скорбящих. Он, наверное, даже и не понял, что Аннабет – бывшая супруга. Выглядела она достаточно траурно, чтобы быть вдовой.

– Мои дети еще слишком малы для таких вещей! – гордо ответила Аннабет и подтолкнула нас к остальным родственникам. Ее родители стояли в углу с моими тетями и дядями и несколькими кузенами и кузинами. Вид у всех был взопревший и скованный во взятых напрокат черных одеяниях. Всем явно хотелось втихаря почесаться. Январь в Уэйкфилде – сущее наказание, а жалкие потуги кондиционера ясно показывали, что его век давно на исходе.

Я вовсе не собиралась шпионить, но мне нужно было убедиться, что отец действительно умер, и еще мне типа как жутко хотелось поглядеть на гроб на колесиках. Скрыться от бабушек и дедушек и выбраться в тот коридор оказалось проще простого. Я толкнула тяжелую, как в гробнице, дверь и оказалась наедине с телом своего отца.

Умер он в тропиках, и, наверное, его забальзамировали, но в помещении все равно стоял осязаемый душок. Сразу припомнилась та собака, которую я видела – и обоняла – еще ребенком, дохлая собака, которая валялась в канаве на многолюдной тайской улице. Теперь я точно знала, что отец умер.

Но все же подкралась ближе, пока не увидела его. Великий Ридж Кармайкл словно съжился, сократился до неподвижного, запертого в гробу трупа. Его тело казалось пустым, а лицо было жутко серым. Только волосы выглядели нормально. Ему недавно стукнуло шестьдесят, но в светлых волосах посверкивало лишь несколько серебристых прядок.

В шестьдесят поздновато быть отцом маленьких детей, но и умирать еще рановато.

Вокруг гроба моего отца стражами стояли высокие вазы, плотно набитые белыми цветами, – эмблемы любви. И не какими-то там первыми попавшимися. Кто-то потрудились отобрать исключительно розы и ирисы.

Мои глаза наполнились слезами. Кто-то сделал это в честь меня и моей сестры-близняшки, его первых детей! Ни у кого из его последующих отпрысков не было цветочных имен.

Я зарылась носом в ближайший букет ирисов и глубоко вдохнула. Я знала, что они не пахнут, но, сколько себя помню, всегда имела привычку нюхать цветы, в честь которых меня назвали. Я всегда жалела, что они не пахнут, как розы, и, наверное, что-то во мне упорно верит, что при должной настойчивости всегда получишь то, чего тебе страстно хочется.

Пока я нюхала ничем не пахнущие цветы, вознагражденная лишь запахом смерти, за спиной вдруг фыркнула дверь с толстым уплотнителем, обдав меня потоком душного воздуха. Я оглянулась. Под гробом тележку накрывала драпировка, свисающая до самого пола. Это было единственное место, где можно спрятаться. Я быстро поднырнула под нее.

И как раз вовремя. Услышав цоканье высоких каблуков, я вся сжалась. Мама всегда носила туфли на плоской подошве. Кто это?

Неизвестная подошла к гробу и молча встала рядом. У меня перехватило дыхание.

Потом дверь открылась опять, и послышался мягкий шелест шагов.

– Франсина? – послышался голос моей матери. – Прошу прощения. Мне сказали, что Ридж тут один.

Франсина и Аннабет всегда были вежливы друг с другом. Убийственно вежливы.

– Нет, это как раз я должна извиняться, – отозвалась Франсина. – Я согласилась разрешить тебе на этот раз, но когда до этого дошло, то просто не смогла вынести, что вот сейчас они закроют... эту крышку, и я больше никогда его не увижу.

– Я попросила о сущей мелочи, – произнесла Аннабет. – О десяти минутах наедине с отцом моих детей. Ты вполне могла себе это позволить. Скоро у тебя будет все, что было моим.

– Как прикажешь это понимать?

– Как думаешь, ты дашь мне время собраться, прежде чем вышибить меня пинком под зад из моего собственного дома?

Меня плотно заклинило между колесами тележки. Пространства было недостаточно, чтобы спрятаться целиком, и носок одной туфли предательски высовывался из-под драпировки. Я еще плотнее сжалась в комок, обхватив себя руками и бесконечно медленно втягивая ногу. Мои ногти до боли впились мне в плечи.

Голос Франсины поднялся, ее резкий акцент стал еще резче.

– Уж не думаешь ли ты, что я знала про завещание? Естественно, я хочу дом, я не делаю из этого секрета. Твои дети уже почти взрослые, девчонки во всяком случае. Ты наверняка понимаешь, что твоя взяла, Аннабет. Твои двойняшки выскочат замуж и забеременеют, как только им стукнет восемнадцать – одна из них, по крайней мере, – и тогда ты получишь всё. Считай, что сорвала джекпот. Вирджинии всего шесть. Какая у нее надежда на то, что она обставит их с деньгами? Ты вполне можешь позволить себе отдать мне дом. Это ничто по сравнению с миллионами, которые тебя ждут. Ста миллионами, Аннабет.

Я дернулась всем телом, потеряла равновесие и завалилась на каблуках назад, с глухим стуком ударившись спиной о какие-то железки. Застыла, но обе женщины, похоже, ничего не услышали. Теперь говорила моя мать, голосом, которого я никогда раньше не слышала, – холодным, ровным голосом.

– Да как ты смеешь? – произнесла она. – Как ты смеешь хотя бы на секунду вообразить, что я стану подкладывать кому-то своих дочерей за деньги? Мои дети заслуживают лучшего! Франсина, даю тебе слово: Саммер и Айрис никогда *и слова не услышат* про это завещание. Если ты спишь и видишь, как бы подсунуть свою дочь-малолетку под какого-нибудь первого попавшегося мужика, то вперед – деньги Риджа твои, до последнего цента. Мы проживем и на те крохи, которые он нам оставил, не поступаясь собственным достоинством! Мои девочки выйдут замуж и заведут детей, только когда будут к этому готовы, когда сделают свой собственный свободный выбор, не запятнанный большими фантазиями Риджа. Никто из моих внуков не появится на свет, чтобы выиграть какой-то грязный приз! Чтобы воплотить мечты покойника!

Леденящий смех Франсины заставил меня поежиться.

– Прекрасная речь, Аннабет, – промолвила она. – Как добродетельно это звучит! Если хочешь помалкивать, дело твое, но такие большие секреты недолго остаются секретами. Я думаю, что мои дочери заслуживают знать правду. И верю, что они будут только рады постараться на благо семьи... если твои девицы будут достаточно долго держать ноги скрещенными, чтобы дать моим шанс. А теперь оставляю тебя наедине с *отцом твоих детей*.

– Нет, – сказала моя мать. – Я и так тут слишком надолго задержалась.

Что-то в ее голосе – я просто могла *слышать*, как ее глаза шарят по комнате, – заставило меня еще сильнее затаить дыхание, сжаться в еще более плотный комок.

И тут обе женщины вышли, и я опять осталась наедине с телом отца.

Комната кружилась вокруг меня. Мой отец мертв, а моя мать стала совсем другим человеком, жестким и злым.

Нам придется расстаться с домом на пляже. Это была моя первая мысль. Замужество, беременность, дети – в четырнадцать лет мне не хотелось даже думать о чем-то подобном. Аннабет только что сказала, что не хочет нам рассказывать, так что лучше я тоже сделаю вид, что ничего не знаю.

По крайней мере, Саммер вовсе ни к чему это знать.

Я всегда сознавала, что «Кармайкл бразерз» – многомиллионное предприятие и что дядя Колтон – всего лишь младший партнер. Львиной долей владел Ридж. До недавних пор владел...

И вот теперь я выяснила истинный масштаб его владений. Дом на пляже, пентхаус, то, что моя мать назвала «крохами», – плюс сто миллионов долларов.

Пока тянулась заупокойная служба, слова Аннабет и Франсины безостановочно кружились у меня в голове, и я высчитывала года. Восемнадцать – это тот возраст, когда по закону можно вступать в брак, для нас с Саммер – меньше чем через четыре года, но вот Бену ждать восемнадцати еще восемь лет, а Вирджинии так и все двенадцать. Если Саммер не узнает про завещание, тогда всяко не выскочит замуж и не обзаведется ребенком в восемнадцать. Не такого она типа барышня. А Бен... Ну, Аннабет с Франсиной, похоже, заранее сбросили его со счетов. Даже и словом про него не обмолвились, не удивлялись молчанию друг друга на этот счет. Похоже, все взрослые знали, что Бену никогда не стать отцом ребенка.

Мой отец тоже это знал, осознала я. Раздражение отца, его подавленный гнев на моего младшего брата были каким-то образом связаны с этой загадкой.

Погруженный в себя и в книжки даже в десятилетнем возрасте, Бен ничем не напоминал остальных из нас. Хотя обычно он был более послушным, чем мы с Саммер. Я чувствовала, что брат просто ждет, пока достаточно вырастет, чтобы пойти своей собственной дорогой. Как будто он настолько полно отвергал ценности отца, что предпочел не заморачиваться выяснениями отношений. Просто ждал, когда тот наконец уйдет.

Я уже слышала, как отец бормочет что-то насчет «вымирания рода Кармайклов». Мне было трудно представить, как это соотносилось с ранними тихими бунтами Бена, но это была единственная часть диалога, которую я не поняла. Теперь я знала точно, что Ридж Кармайкл, великий основатель рода, не оставил состояния своему единственному сыну. И на семь частей тоже делить не стал. Подобно какому-нибудь средневековому феодалу, он хотел, чтобы оно оставалось единым и неделимым максимально большее число поколений.

Отец завещал свою империю первому из своих семерых детей, который вступит в законный брак и произведет на свет наследника.

* * *

Франсина была права в одном. Такие большие секреты неизбежно выходят наружу. Так или иначе, но к концу похорон Саммер уже все знала.

В машине по дороге домой она прошептала мне на ухо:

– Я не позволю папе управлять моей жизнью. Плевать мне на его деньги! Я не выйду замуж, пока по-настоящему не влюблюсь.

А я подумала: «Флаг тебе в руки, сестренка. Главное, не спеши».

Лично для меня гонка уже началась.

Глава 3

Подмена

Уже темно, когда мой самолет садится в международном аэропорту Пхукета. Шагаю из неподвижной прохлады самолета в трясину тайской ночи, и тропическая влага плотно обхватывает меня со всех сторон.

Направляясь к залу выдачи багажа, откровенно зеваю. Перелет был долгий, а я даже и на квинслендское-то время не успела перестроиться. Мои биологические часы по-прежнему выставлены на Новую Зеландию. Надо поправить и еще кое-какие настройки. Я свалилась с гор прямо в тропики, из пустынных снегов альпийской Новой Зеландии – в кишасший туристами Таиланд. Обливаюсь потом на влажной жаре.

И на пальце у меня до сих пор обручальное кольцо. По крайней мере, я избежала объяснений с Аннабет и всех этих криков и слез, которые неизбежно за этим последовали бы. Саммер не станет лезть в душу. Она и так все знает про нас с Ноем.

Но теперь все это позади. В свой последний день в Новой Зеландии я отправилась в салон красоты и как следует побаловала себя – в качестве символического способа поставить на своих отношениях с Ноем жирную точку. Пролистала собственную страничку в «Фейсбуке», выискивая свои самые лучшие фото, чтобы показать мастеру, как я хочу уложить волосы и какой формы должны быть брови, но так и не нашла ни одной, на которой сама себе нравилась бы. В конце концов пришлось довольствоваться старой фоткой Саммер, которая завалилась у меня в бумажнике. Ну, хотя не такой уж и старой. Свадебной.

– Сделайте как тут, – велела я девушке в салоне.

– Боже, никогда бы не подумала, что это вы! – раскудаhtалась эта тупая корова. – Брови совсем другие... Так это вы та красавица-невеста? А муж ваш – так просто кинозвезда!

Брови – это единственное, что позволяет людям хоть как-то отличить нас с Саммер друг от друга. У меня они толще и светлее. У Саммер же это две аккуратные темные черточки с эдаким капризным крутым изгибом – удивительный контраст к ее золотистым волосам. Но девушка в салоне творит чудеса. Воспроизводит их точь-в-точь.

Естественно, я и думать не могла, что увижусь с Саммер сразу после того, как мне сделают новые брови и прическу. Мне несколько неловко, словно я тупо скопировала ее – в чем она меня, похоже, и так подозревает. Я в этом практически не сомневаюсь, хотя она никогда об этом и словом не обмолвилась.

Уже тянусь за своей сумкой в толпе возле багажной ленты, когда чья-то сильная рука выхватывает ее у меня и я оказываюсь в мощных объятиях. Адам.

– Няшка, – мурлычет он. – Господи, как мы рады, что ты здесь!

Он утыкается лицом мне в шею и долго не отпускает.

От него пахнет чем-то сладким и терпким, и его тепло застает меня врасплох. С Адамом я встречалась всего считанные разы, во время поездок домой по всяким семейным поводам вроде его женитьбы на Саммер, и все же он всегда ведет себя так, будто знает меня так же хорошо, как и мою сестру: называет меня нашим с ней общим прозвищем – Няшка-Двойняшка – и обращает ко мне их понятные лишь им обоим шуточки об остальной нашей родне. Неподвижно застываю и напоминаю себе, что я – его свояченица. Своя, да не совсем своя. Даже не сестра. Так что держим дистанцию по возможности.

Заглядываю ему в глаза и изображаю радостную улыбку.

– Адам! Рада тебя видеть. Думала, что меня встретит Саммер...

Адам даже выше ростом, чем мне помнится, а голос у него такой низкий, что отдается вибрацией у меня в груди. Кожа у него замечательного красновато-золотистого оттенка – практически не темнее, чем у нас с Саммер, но его курчавые черные волосы и лучезарная улыбка

ясно намекают, что Африка сыграла в его происхождении далеко не последнюю роль. Адам попал в Австралию еще подростком – единственный ребенок мотающихся по всему земному шару родителей – и запал на эту страну так плотно, что уговорил родителей тут остаться.

Это как раз то, что способна отмочить лишь Саммер, после всех ее бесконечно сменяющихся друг друга белокурых пляжных красавчиков, – этот как гром среди ясного неба брак с вдовцом, да еще и с ребенком на руках. Уроженец Сейшельских островов, страны, о которой я практически не слышала, Адам куда более эффектен и загадочен, чем любой австралийский муж местного разлива. Естественно, не стоит сбрасывать со счетов и то, что у него шикарное бюро путешествий и собственный особняк на Сиклифф-кресент, одной из наиболее престижных улиц Уэйкфилда, на самой верхотуре.

– Кто-то из нас должен постоянно находиться с Тарком, – объясняет Адам. – Операция прошла хорошо, но есть подозрение на сепсис.

Тон у него серьезный.

Блин. Надо было первым делом озабоченно осведомиться про «Тарка». Хотя ладно, можно не заморачиваться – не сомневаюсь, что еще наслушаюсь про него от пуза.

– Бедный маленький пупсик, – произношу я, старательно насупив брови.

– Нам нужно поскорей вернуться к нему, – продолжает Адам. – Он еще не очнулся после наркоза. Я хочу быть с ним, когда это произойдет... Господи, ты просто вылитая Саммер, Няшка! Я так и не научился вас различать.

Он обнимает меня опять, сдавливая в медвежьих объятиях. Его лицо у меня в волосах. Я готова поклясться, что когда он втягивает воздух в ноздри, то словно хочет вобрать меня в себя целиком.

Но вот Адам уже широко шагает в сторону выхода, и я едва поспеваю за ним. Похоже, что мы двигаем напрямик в больницу. Уж не ждет ли меня всенощное бдение у кровати больного? Вот тебе и коктейли в марине...

В заполняющей аэропорт толпе примерно поровну тайцев и «фарангов», как они нас здесь называют. Интересно, думаю я, когда выметаемся за двери, похожи мы с Адамом на мужа и жену? Со стороны всегда понятно, что они с Саммер пара, несмотря на контраст во внешности, но, наверное, дело в некоей супружеской благодати, излучающейся наружу, – в том, что отмечает их как принадлежащих друг другу.

А что сейчас излучаем мы с Адамом? Неловкость? Когда бы я ни оказывалась рядом с ним, всегда было трудно избавиться от мысли о том, сколько Саммер успела рассказать Адаму про меня. О том, что он может знать даже без всяких рассказов. Женатый на ней, он словно видит меня голышом.

Адам находит свободное такси, открывает для меня дверцу, помогает забраться на заднее сиденье.

– Давай двигайся, – просит он с улыбкой, когда его бедро прижимается ко мне.

Поерзав, пролезаю дальше по сиденью и опускаю стекло со своей стороны, чтобы вдохнуть ночь. Таксист как сумасшедший срывается с места. Адам в своем репертуаре – не сразу вспоминает название больницы.

Пока мы направляемся к югу, пытаюсь обновить свою мысленную карту Пхукета после почти десятилетнего отсутствия. Жду не дождусь, когда наконец навещу свои излюбленные точки, выуживаю из памяти кое-какие тайские фразы. Но все изменилось. Узкие переулочки с тук-туками и пешеходами превратились в многополосные магистрали, забитые автомобилями. Все мои воспоминания залиты асфальтом. Даже запахи теперь другие. Я помню ночной жасмин, а не выхлопные газы и канализацию.

Адаму надо много чего мне рассказать, но его слова – беспорядочная смесь больничного жаргона и сентиментальности. В отличие от Саммер, он старательно избегает любых определений пораженной инфекцией части тела, которая привела меня сюда. Из мути родительской

одержимости выуживаю несколько полезных фактов. «Вирсавия» в хорошем состоянии, готова к выходу в море, затарена едой и запчастями. Саммер забила ее провизией в расчете как минимум на пару месяцев. Коротковолновая радиостанция сломана, аварийный радиобуй просрочен, но Адам купил портативный спутниковый телефон, так что можно будет загружать из интернета имейлы и прогнозы погоды, а также отправлять и принимать голосовые вызовы. Это все, что нам нужно для безопасного перехода.

– Трудно подгадать удобное время для звонка, да и тарифы на голосовую связь запредельные, – говорит Адам, – так что, если ничего срочного, будем использовать электронную почту, не возражаешь?

Вроде его и впрямь заботит, довольна ли я его приготовлениями. Как будто есть кто-то, с кем мне вдруг приспичит поговорить по телефону в течение нескольких ближайших недель. Или вообще хоть когда-нибудь.

Похоже, Адаму пришлось более или менее освоить азы, требующиеся для поддержания лодки в рабочем состоянии, и вскоре я ощущаю спокойствие при мысли, что нас не ждет катастрофическая течь или потеря мачты где-нибудь на полпути между Пхукетом и Африкой.

– Насколько я понимаю, с Ноем всё? – спрашивает Адам, наклоняясь ближе.

Киваю.

– У мужика явно что-то не в порядке с головой, – продолжает Адам, – но его потеря – это чья-то находка. Гарантирую, что ты не будешь оглядываться в прошлое с сожалением, Айрис. Саммер со мной полностью согласна. Ты слишком хороша для него.

– Ну что ж, ты и *должен* думать, что я симпатичная!

Сгораю от стыда за свою плоскую шуточку, но Адам лишь ухмыляется, словно я сказала нечто само собой разумеющееся.

– Только не вздумай сказать что-нибудь в этом духе при моей жене, – шутливо предупреждает он. – «Симпатичная» – это слишком слабо сказано. Я знаю, что вы обе – настоящие королевы красоты.

Королевы красоты? Рассказывала ли Саммер Адаму про тот конкурс?.. Его открытый взгляд успокаивает меня – он явно не понял, что затронул болезненное место. Но все же комплимент и вправду кажется отсылкой к тому памятного дню.

Подкатываем к чистому, современному зданию. Адам ведет меня по тихим, хорошо освещенным коридорам в палату Тарквина, а я мысленно репетирую предстоящую роль озабоченной тетушки.

Выясняется, что изображать какую-либо реакцию нет нужды. При виде моего хилого и мелкого – а он вообще по жизни такой – сводного племянника, который неподвижно лежит, прицепленный к каким-то аппаратам, меня натурально передергивает. Тарквин вроде ничуть не вырос с тех пор, как я видела его последний раз, на свадьбе Саммер, одетого в дурацкий карликовый смокинг. Он ползал по всему дому и двору, реально влезал во все дыры и катался по земле, пока его белая рубашечка не покрылась зелеными травяными пятнами. И вот теперь он болезненно неподвижен. Рыжеватые волосенки прилипли ко лбу, крошечные ручки и ножки кажутся холодными и ломкими, как спички...

М-да, дело серьезное. Пускай Тарквин и паршивец, но моя сестра любит его. Это сын Адама. И вот они застряли в чужой стране, с дорогостоящей яхтой вдобавок... Я искренне рада, что могу хоть чем-то помочь. Хотя вдруг Тарквин помрет, пока мы с Адамом будем болтаться в море? Как прикажете утешать безутешного папашу?

Вид у меня, видать, расстроенный, поскольку Адам по-братски стискивает меня за плечи.

– Знаю, – говорит он. – Для нас это тоже оказалось серьезным ударом. Саммер едва держится.

Но где же Саммер? Тарквин совсем один в этой стерильно голой палате. Спит или в отрубях после наркоза, но если б он очнулся, то никого рядом не оказалось бы.

И вдруг меня обвивают прохладные, мягкие руки, а больничная вонь уступает место смешанному аромату яблок и пляжа.

Саммер уже здесь.

– Няшка! Я так по тебе скучала! Просто не знаю, как и благодарить тебя за то, что ты прилетела! – Ее голосок звенит серебром.

Поворачиваюсь и встречаюсь с ней взглядом. Ее синие, как море, глаза излучают тепло и спокойствие. Саммер не изучает меня – моя новая прическа и брови остаются незамеченными, – она просто заглядывает мне в душу. Уже далеко не впервые задаюсь вопросом: могу ли я в принципе сделать хоть что-то такое, что не встретило бы с ее стороны все того же великодушного и ненавязчивого всепрощения? Она настолько доверчива, что это меня просто убивает.

– Мне так стыдно, – лепечет сестра. – Я поклялась не оставлять Тарквина ни на секунду, но вы, ребята, так долго ехали... Выскочила пописать; думала, что вы уже никогда не приедете!

Адам нависает над нами, и я едва успеваю отпрянуть назад, чтобы не угодить в супружеские объятия. Он целует Саммер в губы – сердечным, пылким поцелуем. *Глубокий* сексуальный поцелуй, когда их сын лежит здесь в коме? Я едва могу на это смотреть. Потом он отпускает Саммер и смотрит на нее, словно бы видит впервые.

Саммер и вправду настоящая красавица. Она прибавила килограмм-другой с тех пор, как мы виделись в Новой Зеландии пару месяцев назад, но прибавила в нужных местах. Вся такая мякотькая и золотистая, как персик, и, как всегда, не сознает собственного шарма. На ней выцветшие джинсовые шорты и хлопковая рубашка, которая показывает бронзовую ложбинку между грудями. Даже в таких затрапезных штотках она выглядит как девушка из каталога – чувствую себя излишне расфуфыренной в своей красной мини-юбке и на каблуках. Ноги у Саммер мускулистые, загорелые, без изъяна. Мои, может, и потоньше, но кажутся кривоватыми и бледными.

Хотя, вообще-то, один изъян все-таки есть. Саммер склоняется над неподвижным тельцем Тарквина, и я ухватываю взглядом длинное красное «S», змеящееся по внутренней стороне ее правого бедра и исчезающее в шортах. Никогда на могу смотреть на этот шрам на ноге у сестры без укола вины.

Адам берет медицинскую карту Тарквина и, усевшись на стул рядом с койкой, углубляется в чтение. Так-так. Похоже, мы тут на всю ночь. Вообще-то трудно представить, что любящий отец способен оторваться от своего чада и пуститься через океан, когда его сын и наследник едва ли не при смерти...

На хрена я вообще сюда приперлась? В самолете нормально не покормили, и из-за чувства голода все безумно раздражает. Тактично ли поинтересоваться насчет чего-нибудь горяченького и какого-нибудь удобного местечка, чтобы прилечь? Теперь Саммер и Адам перешептываются, и все, что я слышу, это «Тарк, Тарки, Тарквин»... Если это и не самое мерзотное имя на свете, то вы точно возненавидели бы его, проторчав хотя бы пять минут в одном помещении с этой парочкой. Но, по крайней мере, на сей раз у них действительно есть реальный повод для беспокойства, в отличие от обычных тем – типа не слишком ли много сахара в органических сухариках для детского питания, или не намазать ли этого мелкого мудицу кремом от солнечных ожогов еще разок.

Трудно сказать, что сильнее бесит – их медленно кипящая любовная химия или их совместная одержимость маленьким засранцем. Саммер совершенно забыла, что Тарквин не ее собственный ребенок, хотя вы подумали бы, что тот факт, что он не шел в комплекте со стомилионнодолларовым подсластителем, должен был служить постоянным тому напоминанием. Вдобавок он ни капельки не похож на нее. Тарквин пошел в Адама, хотя медного цвета волосы у него наверняка от Хелен – привет от ее дальних предков-аборигенов.

У Саммер никогда не было возможности познакомиться с Хелен, которая была по горло занята тем, что помирала от чего-то не знаю чего в больничной палате, в то время как Тарквин боролся за свою маленькую жизнь в отделении патологии новорожденных. Адам буквально не отходил от Хелен, так что впервые увидел своего отпрыска на фото, изображающем Тарквина на руках у медсестры, которое кто-то принес в палату Хелен. Через несколько месяцев Адам увеличил этот снимок и повесил на стену гостиной.

Поскольку медсестрой на фото была Саммер. Так-то она и познакомилась с Адамом. Няничалась с его сыном, пока тот наблюдал, как помирает его жена. Саммер была так мила с этим оставшимся без матери крысенышем, что Адам попросил ее стать крестной матерью Тарквина. Когда того выписали из отделения патологии новорожденных, они остались на связи, а потом и стали встречаться.

Не знаю, что я надеялась найти в Таиланде. Думала, что мы будем развлекаться, как развлекались в свое время взрослые. Но реальность уже крепко цапнула нас своими зубами за одно место. Саммер по рукам и ногам повязана собственной семьей, не подступишься. Потихоньку крадусь к двери. Может, найду какой-нибудь ресторанчик неподалеку от больницы... Или бар...

– Прости, Айрис, что так долго тебя тут продержали, – спохватывается Саммер. – Я приготовила тебе еду и постель на «Вирсавии». Пошли.

После заключительного развратного поцелуя с Адамом она подхватывает мою увесистую дорожную сумку, и мы вылетаем из палаты.

* * *

За дверями больницы – суматошные многолюдные улицы, полные света и магазинов, пешеходов и мотороллеров. Поворачиваются головы, когда мы с Саммер проходим мимо, естественным образом попадая в ногу. Мы из тех одинаковых близнецов, которых всегда замечают, когда бы мы ни оказались рядом. Саммер – девушка с обложки, бомба-блондинка. А я – ее зеркальное отражение.

Когда я рассказываю людям про красоту Саммер, то ловлю на себе недоуменно-насмешливые взгляды. Это у меня такой завуалированный способ объявить, что я богиня? Как бы не так! Да, я почти копия Саммер, но, когда я без нее, ничего во мне такого особенного. Люди не сворачивают шеи, чтобы на меня поглазеть. Я всего лишь очередная более или менее симпатичная молодая женщина, которая явно прикладывает немалые усилия, чтобы сходить за таковую.

Саммер же никакие усилия не требуются. Даже в мешковатом зеленом костюме медсестры, с убранными назад волосами и без макияжа она выглядит как картинка. Всё всегда при ней. Где бы ни оказалась, она – солнце в утреннем небе. Первая роза весны. А я – ее тень, ее двойник, ее бесплатное приложение.

Саммер находит такси.

– Януи-бич, – говорит она водителю. Название пляжа звучит знакомо, хотя я не могу с ходу сообразить откуда.

Мы несемся по сверкающим улицам, и меня вновь поражает, насколько изменился Пхукет. Это словно вдруг встретить некогда красивую женщину, обабившуюся и заматеревшую с возрастом.

Саммер перехватывает мой взгляд.

– Знаю, – произносит она. – Того Пхукета, который мы любили, больше нет. Нам с Адамом просто невыносимо, какая тут давка. – Она стискивает мне руку. – Но все равно здорово, что ты здесь! Это... это правильно. Словно вдвоем будет легче избавиться от воспоминаний об этих местах.

Мое сердце колотится слишком быстро уже не знаю, сколько времени, но как только Саммер произносит эти слова, оно замедляет бег, начинает стучать медленно и ровно. Может, теперь, когда мы вместе, мой пульс бьется в такт с пульсом сестры. Хотя что-то все-таки изменилось с того момента, как я видела ее последний раз... Изю всех сил пытаюсь понять, что именно.

Она была так добра ко мне тогда, в Южных Альпах⁸, добра и сейчас. Саммер всегда полна доброты, всегда слепа к любому соперничеству, но почему-то это меня больше не напрягает.

Такси направляется к югу, по автостраде, которой я напрочь не помню.

– Януи-бич, – обращаюсь к Саммер. – Когда мы там последний раз были?

Саммер пожимает плечами.

– Не помню, – говорит она. – Все так изменилось... Януи-бич красивый, но теперь весь в ресторанах. Хотя некоторые перемены – только к лучшему. Все теперь говорят по-английски, и очень много магазинов с едой на западный вкус.

Что-то во мне предпочитает в Таиланде разговаривать по-тайски и есть тайскую еду, но я не комментирую.

– А почему вы не остановились в марине? – спрашиваю я.

Саммер шепчет объяснения, наклонившись так близко, что ее дыхание щекошет мне ухо.

– Слишком рискованно заходить на «Вирсавии» в марину, когда таможня уже оформила выход.

Мои мечты о коктейлях и миллиардерах растворяются в наполненном влагой воздухе. Ах да, я же здесь не для этого... Я здесь, чтобы перегнать яхту. С Адамом.

Съезжаем с автострады и начинаем крутить по столь забитым транспортом и людьми улочкам, словно на дворе ясный день. По оживленным пешеходным тропкам шатаются компашки западных мужиков с впечатляющими пивными животиками, со всякими напитками в руках. У входов в пабы – бордели? – околачиваются тайские девчонки, призывно извиваются в своих эфемерных платьишках, усыпанных блестками.

– Это вообще законно? – спрашиваю я. – На вид им лет по двенадцать.

– Большинство из них старше, чем выглядят, – отзывается Саммер, – но это нас и вправду тревожит. Вообще-то мы даже материально поддерживаем одну благотворительную организацию, которая помогает вывести малолетних девчонок из этой индустрии. Хотя не весь Пхукет такой, Няшечка. Остались еще неиспорченные места, а яхтенное сообщество – так это вообще блеск. Мы уже со многими перезнакомились, друзья не разлей вода. Трудно будет расстаться с ними.

У Саммер «друзья не разлей вода» повсюду. Она может спокойно оставить их, поскольку знает, что в момент заведет новых, куда бы ни отправилась. Когда они с Адамом купили яхту, сестра поделилась со мной планами провести шесть месяцев в плавании вокруг Сейшельских островов, навестить многочисленных родственников Адама. Наплыв мужниной родни Саммер ничуть не страшит.

Наконец сворачиваем на узенькую улочку, освещенную огнями ресторанов, и за ними начинается мелькать идеальный белый песок. В промежутках между хлипкими ресторанными халупами вижу черную сверкающую драгоценность – ночной океан. Андаманское море⁹. Сквозь открытое окно до меня долетает извечный свежий запах девственной природы.

Саммер платит таксисту до неприличия большую сумму.

⁸ Южные Альпы – общее название горной цепи, протянувшейся вдоль западного побережья острова Южный в Новой Зеландии.

⁹ Андаманское море – полузамкнутое море Индийского океана, между полуостровами Индокитай и Малакка на востоке, островом Суматра на юге и Андаманскими и Никобарскими островами (которыми оно отделяется от Бенгальского залива) на западе.

– Это почти что мои последние баты¹⁰, – бросает она, прежде чем заскочить в круглосточный магазинчик за какими-то последними припасами.

Стаскиваю свои туфли на высоком каблучке и погружаю ноги в мягкий кристаллический песок. Даже ночью он теплый от солнца.

Януи-бич. Название возвращается ко мне. Это здесь умер отец. Это здесь я оставила свои мечты. Это последнее на моей памяти место, где, помнится, я была счастлива – в тех яхтенных отпусках с отцом, после его развода.

В тот раз, на Пасху, когда нам с Саммер было тринадцать, мы прошли до самых Андамских островов, проведя две ночи в море. Отец поставил на вахту нас обеих – вести яхту сквозь ночную тьму, чтобы самому хоть немного поспать. Сказал нам, что сам впервые удостоился такой взрослой ответственности тоже в тринадцать и что очень многим этому обязан. Но Саммер порядком трусила, толку от нее было ноль, так что я отправила ее спать и повела «Вирсавию» сама.

И выяснилось, что отец был прав. Я реально повзрослела в ту ночь. Под моим началом оказались двадцать тонн превосходной парусной лодки, которая откликалась на каждое мое движение, словно партнер в танце, а моими руками, настраивавшими паруса и отклоняющими румпель, руководил инстинкт, о наличии которого у себя я едва ли подозревала. Словно я была рождена, чтобы заниматься этим. Иногда при игре на фортепиано, особенно если никто меня не слушал и я просто играла, а не практиковалась перед экзаменом или выступлением, в руках возникало точно такое же чувство – они казались живыми и естественными, будто существовали отдельно от меня, будто знали о жизни и о том, как ее надо прожить, то, чего сама я не знала. На руле «Вирсавии» этим чувством было пронизано все мое тело – чувством, что оно само знает то, что делать, что я наконец-то живу полной жизнью, что все идет как надо.

Когда над горизонтом забрезжил розовато-лиловый рассвет и отец появился на палубе, «Вирсавия», сильно накренившись, скользила по молочным водам Андамского моря в галфвинд, пожирая мили. Перед тем как отправиться спать, отец зарифил геную, чтобы облегчить нам задачу, но я потихоньку, дюйм за дюймом, отпускала ее с закрутки; теперь она была полной, как мечта, и мы буквально летели над водой. Впереди, на западном горизонте, уже проглядывал темный приземистый силуэт. Остров Южный Андаман. Земля.

Отец просто не поверил, сколько миль осталось за кормой, и когда солнце нагрело мне затылок, я грелась еще и в лучах редкой отеческой похвалы. Саммер, которая с заспанными глазами появилась со своей койки в кормовой каютке-«гробике», безропотно приняла саркастические упреки отца и поздравила меня, а Бен так и вовсе смотрел на меня широко открытыми глазами, словно на какую-то колдунью.

«Когда-нибудь я возьму тебя на трансокеанский переход», – пообещал отец, и меня настолько переполняли эмоции, что я брякнула в ответ: «Нет, это я тебя возьму!» Бен и Саммер малость напряглись, и я подумала, что зашла слишком далеко, но отец лишь рассмеялся, хлопнул меня по спине и сказал: «Давай рули, шкипер, а я пока поджарю бекон».

Я была на седьмом небе от счастья. Тогда не было никакой гонки за то, кто первой выйдет замуж, никакого завещания, стравившего нас с единокровными сестрами, никакой нужды иметь детей вообще. Теперь мне двадцать три, и впервые в жизни я чувствую себя старой. Просто не могу поверить, что с тех пор, как достигла брачного возраста, целых пять лет пустила коту под хвост и все еще не произвела на свет чудодейственного наследника. Даже последняя уродливая дурачина давно бы уже с этим справилась; и вот вам я, вся такая блистательная и красивая – ну, может, и не красивая, но вполне себе симпатичная – так по-прежнему и сосу лапу. Даже после ухода Ноя я несколько раз делала тесты на беременность – в надежде, что напоследок он оставил мне небольшой, но существенный подарок, – но дудки. Теперь моему

¹⁰ *Бат* (тайский бат) – официальная валюта Королевства Таиланд.

браку стопроцентно конец, да еще и предстоит ждать целых двенадцать месяцев, прежде чем нас даже просто официально разведут. Полная катастрофа.

Один лучик света, один проблеск надежды лишь в том, что, какой бы дурой я ни была все эти пять лет, Саммер оказалась еще большей дурой. Тогда, в четырнадцать лет, она вбила себе в башку, что не позволит этому завещанию управлять ее собственной жизнью. Вот и сейчас уверяет, что ее вполне устраивают те деньги, которые у них есть на двоих с Адамом. Да, по стандартам большинства людей этого более чем достаточно. Давайте посмотрим правде в глаза: они реально богаты. Только вот по сравнению с состоянием Кармайкла все их богатство – шиш да кумыш.

И Саммер все твердит, что Тарквина «пока достаточно» и что она отнюдь не горит желанием подарить Адаму еще одного ребенка.

Даже за сто миллионов долларов.

* * *

Саммер появляется из магазинчика, хватая мою дорожную сумку. Напрягается под ее весом.

– Прости, – говорю. – Не сообразила, что мы на якорную стоянку. Взяла бы поменьше вещей.

– Нет проблем, – отзывается Саммер.

Выхожу вслед за ней на пляж. Рестораны выставили на песок столики и стулья, целые полчища «фарангов» пьют и едят в полутьме, но мы проскальзываем мимо и оставляем их за темной отметиной из водорослей, нанесенных приливом. Сейчас отлив, вода ушла далеко, оставив широкую полосу сырого песка, и здесь, в темноте, мы наконец находим редчайшую вещь в Азии – полное уединение.

Луна еще полностью не вышла, но над головой поблескивают звезды. Когда моя сестра бредет по песку впереди меня к черному силуэту у самого уреза воды, от нее отшатывается бродячая собака.

– Узнаешь Соломона? – спрашивает Саммер.

Это она про пса?.. Нет – вырисовывающийся впереди силуэт наконец сливается с моим воспоминанием об этом имени.

«Соломон» – это наш тузик. Антикварная гребная дори, построенная из древесины новозеландского каури и выкрашенная в черный цвет под стать «Вирсавии». Лодочка поджидает нас на мелководье, тихо, как в засаде.

В качестве тузика посуда эта не самая практичная. На остроконечной корме нет места для подвесного мотора. Странно, что Саммер с Адамом до сих пор не заменили ее обычной моторной надувнушкой. Гребец из Саммер аховый.

Рука нащупывает планширь «Соломона» – гладкое дерево приятно греет кожу, и я чувствую, как детство призрачно мерцает вокруг меня в ночи. Все его лучшие моменты, до смерти отца. На этой лодке я научилась грести, задолго до Саммер и Бена. И тогда мы, дети, куда только на «Соломоне» не забирались! Исследовали на нем чуть ли не все окрестные пляжи и бухты, ручьи и гроты, никто нам в этом особо не препятствовал. Командовала, конечно же, я.

И вот теперь «Соломон» принадлежит Саммер. Удивляюсь, что сестра додумалась поглубже воткнуть лапы якоря в песок на случай прилива. В таких делах от нее никогда не было толку – но, может, это сделал Адам...

– Можно я сяду на весла? – невольно срывается у меня с губ.

– Конечно, – отзывается Саммер. – Няшка, шкипер теперь ты! Мы с Адамом знаем, как здорово ты управляешься с парусами. Я уже рассказывала ему, как, когда мы были подрост-

ками, ты вечно гонялась вокруг буев с этими парнями из яхт-клуба. Мы и мечтать не можем давать тебе какие-то указания! Пока ты здесь, «Вирсавия» – твоя. Всё под твоим началом.

Итак, на две недели или чуть больше под моим началом еще и Адам. Как бы не войти во вкус...

Саммер укладывает в «Соломона» мою сумку, а я вытаскиваю из песка якорь и собираю якорный конец. Бросаем свои туфли на сумку и сталкиваем тузик на гладкую воду, прохладно и мягко обхватывающую лодыжки.

– Залезай первая. Садись на корму, – команду я, придерживая для нее лодку, чтобы не качалась. Саммер подчиняется. Получается это у нее более ловко, чем когда-то, но «Соломон» все равно содрогается, пока она пробирается на кормовую банку.

Направляю «Соломона» на глубокую воду, поддернув юбку. Саммер совершенно права, передав командование мне. Просто не могу удержаться, чтобы не взять бразды правления на себя, – тело само вспоминает тысячи привычных действий, от которых зависит наша безопасность на воде, просыпается мышечная память. Выведи «Соломона» на глубину, не позволяй днищу царапать по песку... Сначала посади кого-нибудь в лодку, нацель ее острый нос в сторону моря... Я запросто смогла бы все это проделать, даже если б на берег вокруг нас обрушивались волны – спуск тузика на воду в прибой меня даже приятно будоражит, – но сегодня вечером вода Андаманского моря тихая и гладкая, как в пруду. И все же хорошо припомнить свои морские навыки. Отталкиваюсь ногой от песчаного дна, одним ловким движением взлетаю на среднюю банку, хватаюсь за весла и отхожу от берега. Бросив взгляд через плечо, вижу впереди, в паре сотен метров, штук пять ярких звездочек – якорные огни. Несомненно, самый высокий из них сияет с топа мачты «Вирсавии».

– погоди! – кричит Саммер, но уже поздно. Мы уже на глубокой воде.

– Что еще?

– Это же было наше последнее прикосновение к земле на две или три недели, – говорит она. – вроде полагается сделать что-то, типа как попрощаться...

– Последнее прикосновение к земле?

– С рассветом мы уходим, – объявляет Саммер.

К лицу у меня приливает кровь. Никакого тебе больше занудного Тарквина, никакого шумного уличного движения, секс-туристов и малолетних шлюх! Я с восторгом ждала приезда на Пхукет, но ничего моего здесь больше не осталось. Буду только рада оставить его за кормой. Завтра я буду свободна. Завтра – только я и чудесный голубой океан. Я и...

– Мы? – переспрашиваю я. – В каком это смысле «мы»? Разве ты не имела в виду меня с Адамом?

– Ой, просто не могу поверить, что Адам ничего тебе не сказал! – восклицает Саммер. – В последнюю секунду пришлось поменять планы. Мы никак не рассчитывали на тайскую бюрократию. Выяснилось, что им требуется законный опекун, чтобы сидел с Тарки и одобрял дальнейшие медицинские действия, а единственный законный опекун – Адам. Так что ему пришлось остаться.

Она только что буквально растоптала мою главную причину приезда сюда, и я надолго теряю дар речи.

Лицо Саммер едва различимо в темноте – серый силуэт на фоне береговых огней, – но ей наверняка хорошо видно выражение моего лица. Отворачиваюсь к носу, словно пытаюсь отыскать темную массу «Вирсавии» среди скопления стоящих на якоре яхт.

– Ты расстроена, – говорит Саммер, – но разве ты не понимаешь, насколько это круче? В смысле, вы же с Адамом едва знаете друг друга. Да ты под конец этих недель просто волком звывала бы!

Адам не появится. Упавшее сердце подсказывает мне, что это он заманил меня сюда. Две или три недели наедине с Адамом – вдыхать его запах, смотреть в его непостижимые глаза, чувствовать сладкую дрожь при звуке его голоса...

И все же это была бы мука. Братские шуточки-прибауточки, неуклюжая галантность, я вот-вот взорвусь запретным желанием... Непохоже, что он собирался бортануть Саммер только потому, что я лучше управляюсь с яхтой.

Сестра сказала «мы», так что, наверное, и впрямь имела в виду, что отправится в этот переход вместе со мной, но подобная перспектива ее ни в коем разе не радует. Саммер привыкла во всем полагаться на Адама, и это его задача – безопасно и со всеми возможными удобствами доставить ее из одной точки в другую. Плавание на парусной яхте – это тяжелый физический труд, а Саммер, при всей ее природной грации, яхтсмен никакой, тормоз и неумеха.

Постепенно просекаю, чего они от меня хотят. Делаю пустое выражение лица и поворачиваюсь обратно к Саммер. Продолжаю окунать весла в шелковистую воду.

– Ты хочешь, чтобы я пошла на «Вирсавии» в одиночку? – спрашиваю я.

– Ты же всегда говорила, что тебе этого хотелось, – отвечает Саммер.

Да, что правда, то правда. Я вечно хвасталась своим умением управлять яхтой, а с «Вирсавией» вполне можно справиться и одному. Но одиночное плавание – это необходимость нести вахту круглые сутки, а спать урывками, вполглаза. Это долгие недели полнейшего одиночества, полнейшей изоляции...

Может, как раз это мне сейчас и нужно? Оставить мою сестру и ее идеальную жизнь позади. Лицом к лицу встретить своих демонов там, в голубой пустоте...

А вот фигушки! Я уже сожалею о своей достойной подростка бравате. Если Саммер думает, что я просто-таки мечтаю об одиночном плавании, то ща я опущу ее с небес на землю! Оставшись там совсем одна, я уже через полдня просто сойду с ума.

– Да шучу я! – радостно кричит Саммер. – Ты и вправду думаешь, что я позволила бы тебе пересекать океан в одиночку, когда тебе и так уже пришлось несладко? А потом, я люблю тебя, Айрис! Я хочу быть с тобой! Не видишь, как это классно? Я буду полностью в твоём распоряжении до самой Африки. Только в твоём. У-у, Няшка! После того как мы так долго жили по отдельности, представляешь, как это нас опять сблизит? Я впервые от чего-то в таком восторге!

Она забывает, где находится, и кидается обнять меня. «Соломон» опасно кренится. Кидаюсь всем телом на правый борт и усиленней налегаю на весла, чтобы этот праздник воссоединения не знаменовался незапланированным купанием в морской воде.

Глава 4

Нежданчик

Просыпаюсь в кокпите «Вирсавии», лежа на боку на плоской длинной подушке сиденья и уткнувшись локтями в теплые тиковые планки у себя перед носом. Мое тело покачивается в такт убаюкивающему ритму тропического моря, и легчайший береговой ветерок – отголосок ночного бриза – щекочет мои голые руки и ноги.

Одежда нет. Спала я в нижнем белье. Сажусь и впервые после приезда смотрю на Таиланд при дневном свете. Пляж Януи на рассвете тих и неподвижен, на песке в паре сотен метров от якорной стоянки темные точки – собаки. Сразу за пляжем берег достаточно густо зарос деревьями. Трудно связать эту идиллию с непомерно раздутым, пресыщенным мегаполисом, который я мельком углядела вчера вечером. Столики с пляжа убраны, рестораны скрыты за листвой.

Другие яхты, стоящие на якорях по соседству, – сплошь океанского класса. У каждой на корме лениво колышется флаг – со своего места замечаю звездно-полосатый американский и британский «Юнион Джек». На одной из яхт австралийский флаг, как на «Вирсавии». Экипажи этих лодок наверняка еще спят внутри. Вполне можно вообразить, что я – единственный живой человек на всем белом свете.

Саммер оставила в рубке миску с фруктами – чищу себе банан и выбираюсь на боковую палубу, чтобы выбросить кожуру за борт. В момент всплеска из-под корпуса выметаются темные силуэты. Прилипали. Помню этих рыбок. Они постоянно сопровождали «Вирсавию» от одного залива к другому, ехали на халяву вместе с нами, прилепившись к корпусу и подкармливаясь выброшенными за борт объедками. Словно какая-то жутковатая придворная свита – куда королева со своей мантией, туда и они. Впрочем, банановая шкурка не в их вкусе – рыбки по-быстрому обнюхивают ее и уматывают туда, откуда появились.

Неотрывно гляжу вниз, вбирая в себя изумрудное тепло моря. Мы заякорены на глубокой воде, но вода такая чистая, что можно различить белеющий сквозь ее толщу песок. Я спала в лучшей в мире постели. Кокпит «Вирсавии» длиной аккурат в мой рост, и позвякивание высокой оснастки, поскрипывание деревянных частей, пошлепывание волн о корпус – все эти звуки для меня куда приятней любой колыбельной.

Саммер держит слово – обращается со мной как с главным лицом на борту, едва я поднялась на борт. Вчера вечером она торжественно вручила мне яхтменскую фуражку Адама, на околыше которой золотыми нитками вышито «Шкипер». У них их тут целый набор. На ее фуражке – которая ей явно велика и сидит у нее на голове как дурацкий колпак, налезая на глаза и на уши, – написано «Матрос», а на крошечной детской фуражечке Тарквина красуется надпись «Юнга». Мою сумку Саммер отнесла в главную носовую каюту «Вирсавии», из которой успела убрать свои и Адама вещи, сама втиснувшись в крошечную кормовую каютку, которую мы с ней делили на двоих в детстве. Койка по правому борту здесь превращена в уютную колыбельку для Тарквина – или, наверное, лучше сказать, что колыбельку здесь просто восстановили, поскольку именно тут спал Бен, когда был настолько мал, что ему требовалась предохранительная решетка, как в детском манежике.

Чтобы спуститься вниз, под палубу, мне пришлось переступить через два невысоких брандершита, поставленных как раз в расчете на маленьких детей – один между кокпитом и рубкой, а другой между рубкой и трапом, спускающимся в салон. В центральном салоне, расположенном в средней, самой широкой части корпуса «Вирсавии», – камбуз открытой планировки, обеденная зона и кожаный диван. Все здесь выглядело привычно аккуратно и поморскому, а сквозь бортовые иллюминаторы и прозрачные палубные люки, которые служат одновременно и световыми, внутрь просачивался свет звезд.

Планировка «Вирсавии» довольно простая. Две кормовых двери салона ведут в спальные каютки – тесные, с низкими подволоками, втиснутые под рубку. На другом его конце – дверь главной носовой каюты, которая раскинулась на всю ширину корпуса – с полноразмерной двуспальной кроватью с бархатной обивкой и прочими удобствами; есть даже телевизор, привинченный к переборке. Последняя дверь, естественно, ведет в санузел с его двойным зеркалом.

Пока я разбирала сумку, Саммер на скорую руку соорудила острый «ганг гари кай»¹¹ – помнит, что я обожаю тайскую кухню. Налила мне бокал вина, чтобы «отпраздновать воссоединение».

– Жаль, что не при лучших обстоятельствах, – заметила я.

– Но я так рада, что ты приехала ко мне! – Она едва не задохнулась от избытка чувств. – Ты лучшая в мире сестра! Давай сделаем сегодняшний вечер особенным. Тарки вне опасности. Он в хороших руках, и врач сказал, что через неделю или две его уже выпишут. Так что давай сосредоточимся на нас самих. – Она ненадолго примолкла. – Похоже, не слишком-то я тебе помогла своим приездом в Куинстаун¹²...

Это только моя сестра может винить себя в том, что мой обреченный брак окончательно распался! А должна бы вообще-то ликовать, получив убедительное доказательство тому, что была права всю дорогу.

Саммер упорно придерживалась своего плана не рассказывать про завещание никому из тех, с кем встречается. При всех ее выдающихся внешних данных, покладистом характере и доброте с отзывчивостью бортовали ее уже не раз, и я уже видела, как она рыдает навзрыд по какому-нибудь никчемному утырку. И все же она ни разу не дрогнула. Даже Адаму ничего не сказала – только после свадьбы проговорила, что за бонус к медовому месяцу он получил.

Жаль, что я так же с самого начала не поступила с Ноем. Не хотела, чтобы завещание как-то повлияло на его решение жениться на мне, но он все жевал сопли, и я подумала, что это малость подстегнет события. Пару месяцев мы с Ноем встречались в Мельбурне, но потом он получил младшее партнерство в одной юридической фирме в своем родном городе в Новой Зеландии. Когда я позвонила Саммер, чтобы рассказать ей о его предстоящем отъезде, она и объявила, что они с Адамом только что обручились.

Вообще-то тогда Ной не порвал со мной. В смысле, окончательно. Мы собирались немного пожить в разных странах и какое-то время встречаться с другими людьми, вот и всё. Я хотела, чтобы он хорошенько подумал и окончательно определился, но потом решила, что он должен быть полностью в курсе финансовой ситуации. Может, ему даже и не понадобилась бы эта должность в свете грядущего богатства. Мы могли бы тайком пожениться, завести ребенка и уже через год купаться в деньгах.

Поначалу все шло по плану. На следующий день после того, как я рассказала Ною о грядущем богатстве, мы быстренько подали заявление о регистрации брака и через пару недель уже стали мужем и женой. Вслед за Ноем я переехала в Куинстаун и даже исколотала себе должность в его фирме. На самом-то деле мне на фиг не нужна была эта работа, но я не думала, что это надолго. К тому времени, как полечу обратно в Уэйкфилд на свадьбу Саммер, я буду уже беременна. Все вроде было на мази.

Первый тревожный звоночек прозвучал, когда через несколько месяцев Ной не пожелал ехать на свадьбу Саммер. Что-то было не так, но я не понимала, что именно. Он разозлился, что я до сих пор не забеременела? Но видит бог, мы реально старались! А Саммер с Адамом отнюдь не гнали с ребенком. Они собирались купить «Вирсавию» и отправиться в кругосветку с Тарквином.

¹¹ «Ганг гари кай» – цыпленок с пастой из желтого карри и картофелем.

¹² Куинстаун – город на берегу озера Вакатипу на Южном острове Новой Зеландии, окруженный горами Южные Альпы.

Работа у юристов нервная, особенно у новоиспеченных партнеров, и я вполне могла проморгать пару откровенных вещей. Смутный запах женских духов, мурлыкающий голос на заднем плане, когда Ной звонил и сообщал, что, мол, давай ужинай без меня, я опять задержусь допоздна, – такие мелочи не сразу замечаешь на фоне большой общей картины. Лори была его бывшей подружкой, школьной любовью. Когда они оказались в одной фирме, мне бы сразу понять, как все будет развиваться дальше. Но я-то решила не обращать внимания, так ведь?

Короче говоря, у нас с Ноем даже секса уже больше не было.

Приблизительно в это же время в гости прилетела Саммер. И пока находилась в Новой Зеландии, все пыталась убедить Ноя дать нашему браку еще один шанс. Мне эта затея не нравилась с самого начала. Стоит вам пообщаться с более привлекательной версией меня, с какой это стати вам держаться за такую, как я? Саммер старалась изо всех сил, но Ной собрал свои вещички и ушел, еще пока я отвозила ее в аэропорт.

Я продолжала морочить себе голову, что могу остаться в Куинстауне и по-прежнему работать в его юридической фирме. Мы собирались оставаться друзьями, мы с Ноем. И с Лори. Все, типа, взрослые люди. А если я буду сохранять достоинство и проявлять профессионализм, или он увидит, как я встречаюсь с каким-нибудь классным новым парнем, то наверняка поймет, что теряет, и мигом прискачет обратно ко мне. Может, мы и не сойдемся опять на постоянной, но он мне был нужен поблизости хотя бы на месяц-другой. Черт, да одна ночь могла все решить! Разве чуть ли не у всех пару-тройку раз случается секс с бывшими, когда они вроде бы расстались навек? Это по-прежнему представлялось лучшей ставкой, чем пытаться искать нового мужа, все это время надеясь, что Саммер будет оставаться бездетной достаточно долго, чтобы я успела оформить развод.

Но, как оказалось, работать под началом своего бывшего бок о бок с женщиной, с которой он тебе изменил, – опыт крайне унижительный, а насчет секса с бывшим – это еще бабушка надвое сказала. Ну кто знал? А когда все-таки ухитришься заманить более или менее приличного парня, чтобы подразнить своего бывшего, как тот и говорит: «Ну вот и молодец, Айрис! Рад за тебя!» А твой новый ухажер лишь кривит губу: «Хочешь повыдываться перед своим бывшим? Больше мне не звони!»

В общем, такая вот была у меня житуха в Новой Зеландии.

Но, похоже, теперь, когда я здесь, на все это можно плюнуть и растереть. Обхожу «Вирсавию» по периметру палубы, проверяя, всё ли в порядке, и кажется, что я уже выбросила все свои проблемы за борт.

Мы с отцом частенько мечтали об этом переходе, так что я знаю, что ждет впереди. Длинный прямой к западу через Бенгальский залив, после чего мы чутка спустимся к югу, чтобы пересечь экватор – шквалы, экваториальные штормы, – а потом быстрый, сумасшедший бросок через западную часть Индийского океана под напором буйных юго-восточных пассатов. Земля на Сейшелах примерно в двух неделях хорошего хода.

Время дорого. На исходе сезона восточный муссон теряет силу, и в длинной ветровой тени Таиланда, где мы сейчас, каждый день к полудню полностью скисает. В результате жутковатая неподвижность – жара, безветрие и мертвая зыбь. Во время одного из пасхальных отпусков мы каждый божий день по два часа, обливаясь потом, болтались в дрейфе посреди живописного океана, словно какие-нибудь древние мореплаватели. Отец категорически отказывался запускать двигатель. Он был из тех, кого в парусных кругах именуют ортодоксами, – ничто не заставит такого человека двигаться под мотором или установить нормальный топливный танк; он уж лучше будет наблюдать, как его экипаж падает духом, даже если в экипаже у него одни дети. Особенно если это его собственные дети.

Но, не считая излишней зависимости от парусов, «Вирсавия» просто превосходна. При своих шестидесяти футах¹³ длины громоздкой она не выглядит – лодка эта поджарая и легкая, как породистая скаковая лошадь. Мачта у нее высокая, а бермудское вооружение позволяет достаточно быстро идти в лавировку. Здесь, в Таиланде, Саммер с Адамом полностью заменили такелаж, и все с иголочки новое. Стальные ванты и штаги так и сверкают в утреннем свете.

Тут, на палубе, я более чем дома. В шикарнейшей хозяйской каюте полно иллюминаторов и люков, обеспечивающих приток свежего воздуха, но теплой тропической ночью лично на меня и там все равно накатывает нечто вроде клаустрофобии.

Вчера вечером я завалилась там спать, обессиленная после перелета, пока Саммер все пичкала меня едой и вином. Она пребывала в эдаком исповедальном настроении – словно пыталась заложить основу для нашего трансокеанского марафона, призванного вновь сблизить разбежавшихся в разные стороны сестер-близнецов. Вообще-то, когда я наконец вытянулась на кровати и перед глазами у меня все поплыло, то четко помню, что Саммер завела разговор о своей сексуальной жизни.

– Он любит делать все медленно, – вещала она в тот момент. – Я никогда не чувствую, что меня торопят... Он зажигает свечи и дарит мне розы, и он отлично знает, как надо прикасаться к женщине. У него такой твердый...

На самом-то деле Саммер просто не могла мне такого говорить, так ведь? Она же всегда такая чопорная... В полусне смысл ее слов уже доходил до меня с трудом, и я изо всех сил пыталась хоть как-то в него вникнуть.

– Все эти сладкие вещи, которые он мне говорит, когда мы занимаемся любовью, – продолжала Саммер, – даже когда он входит в меня так глубоко, что становится больно... А когда он целует меня, то целует так, будто у него жажда. Говорит, что это все равно как целовать солнце...

Стою на носу «Вирсавии» и пытаюсь убедить себя, что весь этот разговор мне просто приснился. Саммер никогда не говорит такие вещи! Хотя помню, как натянула подушку на уши, решительно настроенная больше не слушать. И тогда мне действительно приснился сон, поскольку я почувствовала, как чьи-то твердые губы прижимаются к моим, а я отвечаю на поцелуй, широко открывая рот, пусть даже и знаю, что нельзя этого делать, что это не Ной, что это не мой муж. Он пахнет так восхитительно пряно, а его сильные руки так крепко держат меня, намертво прижав мои к бокам, но мне все равно, я хочу этого! Его язык еще глубже проникает мне в рот, и с удивленной дрожью, отзывающейся покалыванием в спине, я чувствую, что язык его тверд, невероятно тверд – тверд, как камень...

Это было уже слишком – вздрогнув, я проснулась в носовой хозяйской каюте, на роскошном лежбище Саммер и Адама. Свет не горел. Прошло, должно быть, несколько часов – Саммер, наверное, уже давно завалилась спать где-то на лодке. Отчаянно пытаюсь стряхнуть этот ночной морок и заливаясь краской в темноте, я, спотыкаясь, выбралась наверх, где бросилась на первую попавшуюся подушку и провалилась в сон в лунном свете.

Теперь вижу, что Саммер уже подняла «Соломона» на шлюпбалки в корме и убрала попоходному купальный трапик. Теперь из воды на борт без посторонней помощи не особо поднимешься, и у меня нету времени, чтобы тратить его на развлечения, но перед таким феерическим переходом просто я не могу так вот взять и сняться с якоря без какого-то рода церемонии. Влезаю на нависающие высоко над водой носовые релинги, откуда вижу черные звенья якорной цепи, уходящие в глубину. Невидимый подо мной, зарывшийся в грунт большой якорь «Вирсавии» – это единственная вещь, привязывающая меня к земле. Океан манит. Ветер поет. Поднимаю руки высоко над головой. И ласточкой кидаюсь в воду.

¹³ 60 футов – чуть больше 18 м.

* * *

Через час мы уже идем под парусами. Мою сестру разбудил либо всплеск, с которым я врезалась в воду, либо мой стук кулаком по корпусу, когда я вынырнула на поверхность. Она выскочила на палубу и сбросила мне трапик, сверкая восхищенными глазами.

– Ты просто настоящая русалка! – воскликнула Саммер, протягивая руку, чтобы помочь мне перелезть через леера на боковую палубу, где я встала посреди расплывающейся у меня под ногами соленой лужи. – Ты в океане как дома! В твоих руках я чувствую себя в полной безопасности!

Мы позавтракали вафлями с манго и маракуйей, я посмотрела прогноз погоды, Саммер последний раз позвонила Адаму, и мы снялись. Перед тем как выбрать лебедкой якорь, по примеру отца я заранее поставила грот, и «Вирсавию» стало потихоньку сносить от азиатского континента под парусом.

Теперь отдаю с закрутки новенькую геную, а Саммер стоит на руле. Вот же балда – пыжится нацелить лодку строго по ветру. Когда ветер прямо с кормы, а каждая волна зыби переваливает «Вирсавию» с борта на борт, грот каждую секунду рискует подхватить напор воздуха с обратной стороны. Если такое произойдет, мы скрутим поворот фордевинд – увлекаемый гротом гик пулей перелетит над кокпитом к противоположному борту. На «Вирсавии» гик располагается аккуратно на уровне головы, если кто-то по дурости вздумает стоять на кормовой палубе, а не сидеть в безопасности кокпита. При самопроизвольном повороте фордевинд гик может вас вырвать, выбросить за борт, а то и вовсе убить. Отец признавал, что это косяк проектировщика, но категорически отказывался поднять гик повыше, поскольку при этом пришлось бы и уменьшить площадь грота, что вызвало бы потерю скорости.

Быстро вмешиваюсь, перехватываю румпель и слегка привожусь – меняю курс на такой, при котором «самопроизволка» нам уже не грозит. Ход стабилизируется, и мы набираем скорость. Идем в бакштаг – самый выгодный курс относительно ветра для «Вирсавии». Саммер с виноватым видом убирает оставшиеся после завтрака тарелки и отправляется вздремнуть, хорошо зная, что впереди долгие ночи, когда поспать особо не выйдет.

Свежий бриз задувает через корму с северо-востока, и «Вирсавия», поддернув юбки, пускается в пляс на запад. Я на вахте, веду лодку «на руках», обшаривая взглядом голубой горизонт. Перед острым форштевнем «Вирсавии» вспархивают летучие рыбы, перепрыгивают через ее кильватерный след за кормой. У меня за спиной над Таиландом золотом встает солнце, а земля постепенно тает, превращаясь в размытую темную полосу.

Быстро включаюсь в ритм, реагирую на порывы и закипания ветра, гребни и впадины воды, словно и не знаю, где кончается мое тело и начинается «Вирсавия». Румпель гудит песню океана. Еще только утро, а мы уже порядком углубились в море – окончательно вышли из ветровой тени Таиланда, и ничто теперь нас не остановит.

Жаркое солнце ощутимо пощипывает голую кожу. Не теряю бдительности – наблюдаю за компасом, указателем вымпельного ветра, парусами, волной, – но мне практически нет нужды задумываться. Мои босые пятки словно прилипли к тиковому пайолу – я вновь обрела свойственную любому моряку способность стоять на раскачивающейся палубе, как на твердой земле. Ощущаю привычный привкус соли на губах.

Вот для чего я рождена! Вот что такое настоящая жизнь!

* * *

Под полуденным солнцем появляется Саммер, балансируя тарелкой с голубикой, камамбером и икрой. Похоже, что в нынешние времена в Пхукете можно купить все, что душе угодно.

– В холодильник все не влезло, – объясняет она, – так что сделаешь мне большое одолжение, если все это подметешь. Давай включу автопилот, чтобы ты могла посидеть со мной в рубке.

Прикусываю язык, прежде чем успеваю язвительно пройтись насчет «диванных» плаваний. Саммер права – абсурдно вести лодку «на руках» через весь океан. Большинство яхтсменов на длинных переходах используют авторулевого двадцать четыре часа в сутки, целыми днями прохладаясь в рубке, – лишь с какой-то периодичностью выглядывают наружу посмотреть, нет ли кого поблизости. Они могут от силы раз в час глянуть на картплоттер и всего раз в день накосячить что-нибудь в вахтенном журнале. Только редкое судно на горизонте или перемена направления ветра или погоды вынудит их выбраться в кокпит, чтобы перенастроить паруса. Отец был яхтсменом старой закалки, который обучил нас использовать как бумажные, так и электронные карты, но даже он жутко гордился нашим авторулевым, которого окрестил Дэйвом, и любил повторять всем встречным и поперечным, что Дэйв – это лучший моряк на нашей лодке. Однако отец все равно настоял на том, чтобы все мы обучились рулить вручную, и для меня это по-прежнему любимый способ вести лодку, поскольку только так можно в полной мере вытащить из ветра и волны весь заложенный в них потенциал, по-настоящему сродниться с морем и воздухом.

У «Вирсавии», что необычно для яхты таких размеров, управление румпельное, а не штурвалом, и когда я берусь за него рукой или зажимаю между коленями, управляя лодкой ногами, чуть сгибая их в сторону левого или правого борта с каждой накатывающей волной, океан словно дышит прямо сквозь мое тело. Но все это хорошо свежим утречком или ясной ночью, а не в разгар дня под истязующим азиатским солнцем. Саммер нажимает кнопку, Дэйв с гудением оживает, и я присоединяюсь к своей сестре за пиршеством в гостеприимной тени рубки. Окна из закаленного стекла дают нам панорамный обзор на море и небо, и мы сидим, привычно глядя мимо друг друга, обе машинально шарим взглядом по водной глади – настоящий моряк всегда на вахте, всегда готов ко всяким неожиданностям.

– Тяжело оставлять так много добрых приятелей в Таиланде, – вздыхает Саммер, пока я набиваю пузо. – Но я знаю, что мы обязательно заведем новых друзей, куда бы ни отправились! Даже не верится, что раньше я не проявляла к яхтенной жизни особого интереса. Это еще одна вещь, за которую я должна благодарить тебя, Айрис! Это ведь ты открыла мне глаза на волшебство жизни на борту, и теперь я просто не могу представить себя без «Вирсавии». Моя жизнь – это рай!

Земля теперь окончательно скрылась за кормой, и «Вирсавия», несмотря на ее ходкость, словно зависла в самом центре круга идеальной синевы. Саммер явно чувствует себя комфортно. Никто из нас не страдает морской болезнью, но раньше сестра всегда побаивалась открытого моря.

– Но ты же не можешь позволить себе вечно жить на борту? – спрашиваю я. – Адаму ведь когда-то нужно вернуться на работу...

Саммер оставила работу медсестры, когда вышла за Адама, взяв на себя заботы о Тарквине. Они могли это себе позволить, и они вполне могли позволить себе очень длительный отпуск, оставив турфирму на попечение родителей Адама, но их денег ведь не хватит на целую вечность?

Саммер резко отводит взгляд.

– Это... это я и пыталась объяснить вчера вечером, – говорит она. – По-моему, было бы нечестно пускаться в такое серьезное плавание, целиком и полностью не посвятив тебя в сложившуюся ситуацию, но я просто не сознавала того, насколько ты устала. Ты заснула прямо посреди нашего разговора.

Ну вот – я уже почти убедила себя, что порнографические речи Саммер вчера вечером были лишь дурным сном, вызванным резкой сменой часовых поясов, однако ее стыдливый

румянец подсказывает мне, что все это не только происходило в действительности, но и что Саммер собирается завести этот базар по новой.

– Дело в том, – продолжает она, – что да, я знаю, что у меня уже была куча парней, может, даже и побольше, чем у тебя, но я не получала от этого того, что наверняка думают остальные. Не то чтобы я фригидна... скорее, скажем так, медленно разогреваюсь. Честно говоря, большинство моих парней... я даже не спала с ними. В жизни не подумала бы, что это все-таки произойдет – если ты понимаешь, о чем я.

Ох, Саммер, недотрога ты наша! Типа как я обо всем этом ни сном ни духом! Ну разве можно быть такой добродетельной матроной, какую из себя всегда строила Саммер, без изрядной доли стыдливого ханжества?

Хотя теперь мне кажется, что она просто раздевается передо мной, но кто я такая, чтобы перебивать? Заталкиваю в рот очередную пригоршню голубики и плотно закрываю его. Тема вызывает у меня некоторую неловкость, но все-таки надо выяснить, к чему весь этот разговор.

– Даже когда мы с Адамом только поженились... Пойми меня правильно, мы были влюблены, но все происходило... не слишком быстро. Он был очень терпелив. Он чудесный человек.

Насчет этого я тоже ничего не могу сказать. Ни согласиться, ни опровергнуть. Это та сторона чудесности Адама, которая мне совершенно неведома.

– И только когда мы оказались в тропиках, все изменилось, – продолжает Саммер. Ерзает на сиденье, подтягивает саронг на бедрах, где он прилип к коже. – Теплые ночи, океан, то, как Адам пахнет, даже когда вспотеет, – все это меня буквально разожгло! Мы сами этого не ожидали, но вдруг ощутили такой голод друг к другу... Мы словно с ума сошли! Нам пришлось мчаться обратно на лодку и укладывать Тарквина в манеж. Мы едва могли дождаться, пока он уснет, едва могли усидеть на месте...

Саммер примолкает. Неотрывно смотрит мимо меня в стекло рубки – с таким напряженным, таким сосредоточенным выражением на лице, что мне кажется, будто наперерез нам идет какое-нибудь большое судно, но по какой-то причине моя сестра не собирается меня предупредить, а я почему-то не могу заставить себя посмотреть в ту же сторону. Просто не могу отвести глаз от ее лица, от ее ротика-буточника, пусть у меня и чувство, что сейчас из него вылетят слова, пророчащие мою погибель.

Вот тут-то это и происходит.

– Так что это было всего один раз, примерно две недели назад... Ты же знаешь, что я особо не пью, но Адам купил эту бутылку розового шампусика, потому что, понимаешь, он вообще любит покупать мне все, что имеет отношение к розам. Так что мы в этой маленькой бухте недалеко от берега, сидим на носовой палубе, где слегка попрохладней, слегка поддувает ветерок, слегка накатывает волна с юга, и «Вирсавия» слегка покачивается...

При каждом этом «слегка» Саммер тычет пальцем в бедро, словно ведет отсчет. Ее саронг распахнулся, и мне видно длинный шрам – вытянутое «S», ползущее по бедру вверх. После всех этих лет он по-прежнему выглядит свежей раной – Саммер уже упоминала, что недавно он опять открылся, как это часто бывает с порезами от кораллов. Интересно, думаю я, он хоть когда-нибудь потускнеет, заживет ли когда-нибудь должным образом?

– И Тарквин наконец заснул, слава богу, поскольку я начинаю думать про Адама, про его тело, и словно моя «киска» берет верх над моими мозгами...

В жизни не слышала, чтобы Саммер употребляла слово «киска» – по крайней мере, имея в виду свою собственную... ну, вы поняли. Произнося его, она словно мурлычет; это слово прямо-таки осязаемо повисает в пространстве между нами, щекоча воздух.

– Все мое тело буквально трепетало! Я ощутила, как кровь бросилась мне под кожу, бросилась в груди, и что-то вроде как задергалось где-то внизу, глубоко внутри. Теперь я понимаю, почему люди сходят с ума по сексу, Айрис! Я должна была получить его прямо тогда, прямо там, на палубе! На соседней лодке пировала компания какого-то хулиганья, недалеко

от нас, и солнце стояло еще высоко, был ясный день, но мне было плевать. Я сорвала с себя всю одежду, толкнула его на палубу и взобралась на него. Его большой, твердый... Господи, как это было классно! Мы занимались любовью прямо там, понаставив синяков об палубу, и наделали столько шума, что, клянусь, половина Пхукета нас слышала, но мне было плевать – мне было плевать, даже если я умру!

И теперь она смотрит мне прямо в глаза.

– Наверное, ты уже поняла, что я пытаюсь сказать.

Выходит, это еще не вся история. Есть и кое-что еще. Кое-что почище всего остального.

– Я хочу, чтобы ты знала: мы этого не планировали, – объявляет Саммер. – Адам умеет предохраняться, но я застала его врасплох. У нас не оказалось ни одного презерватива на борту – на следующий день я сразу внесла их в список покупок. Я хочу, чтобы ты знала: это было только в тот раз, и все вышло случайно. Потому что я никогда не хотела этого делать, Айрис... никогда не хотела, чтобы у нас так с тобой вышло.

Меня настолько увлекла замечательная история Саммер, я настолько размечталась, настолько была занята тем, что представляла себе стояк Адама, вздымающийся над носовой палубой, словно кнехт, что лишь теперь в натуре услышала, о чем она говорит. И вид у нее был такой виноватый, она так умильно хлопала глазами, так добро-придурочно переживала, что рушит мою жизнь, что я упростила ей задачу. Сама высказала то, что она не сумела заставить себя выразить словами.

– Поздравляю. Ты беременна.

Глава 5

Конкурс

Когда мы с Саммер узнали про завешание, я подумала, что теперь мы с ней сцепимся не на жизнь, а на смерть. На кону – сто миллионов долларов, за которые нам обеим предстояло побороться. Больше никого на дистанции не было. Даже если б и не имелось некоего секрета касательно Бена, то брат по-любому на четыре года моложе. У нас было четыре года, чтобы выйти замуж и родить, прежде чем ему стукнет восемнадцать.

Бен открылся еще лет в двенадцать. Насколько я понимаю, взрослые и так уже всё знали. Бен, конечно, не щеголял в обтягивающих шортиках в блеску и не пытался обжиматься с другими мальчиками в школе, но почему-то все взрослые знали: Ридж Кармайкл стал отцом семерых детей, но так и не родил гетеросексуального сына.

Роду Кармайклов предстояло оборваться. Это, должно быть, жутко бесило моего отца.

Наверное, тот думал, что когда его не станет, все мы уже будем взрослыми, так что и в страшном сне представить не мог, что его дочери станут соревноваться за звание самой молодой невесты. Похоже, он просто не хотел, чтобы кто-то из нас повторил его ошибку, которая привела к разводу с Маргарет, – ошибку, выразившуюся в том, что дело продолжения рода он затянул настолько, что едва не опоздал. Ладно хоть у мужиков всегда остается вариант попробовать еще разок с женой помоложе – нам, девушкам, подобная тема не светит.

На следующий день после похорон отца я прокралась в спальню матери и сцапала копию завешания. Запершись в туалете, торопливо зафотала все страницы на телефон, чтобы позже прочитать их в спокойной обстановке. Правила были изложены предельно ясно и четко. Мой отец оказался по-своему прогрессивным – сторонником равных возможностей. Внук-наследник необязательно должен быть мужского пола. Но он должен иметь полное право носить фамилию Кармайкл, и он должен быть первым.

Пока этот самый внук не достигнет совершеннолетия, формально деньги остаются в доверительном фонде, но распорядителями его становятся родители наследника, так что получают практически неограниченные права использовать эти деньги, как их душе угодно. С одной лишь серьезной оговоркой: они могут тратить их на себя или на своих других детей, но не имеют права делиться ими с остальными из нас. У моего отца не было интереса подкармливать неудачников – «победитель получает все».

Мы с Саммер могли бы просидеть в девках хоть до четвертого десятка лет, если б не Франсина и четыре наших единокровных сестры. На момент смерти отца они были совсем еще сопливыми девочками, но тем не менее оставались единственной надеждой Франсины.

Несколько дней после похорон отца Аннабет и Франсина общались исключительно через адвокатов. В доме на пляже регулярно появлялся специальный курьер, приносивший солидные конверты под роспись. Аннабет скрывалась в спальне, чтобы прочитать их содержимое, и появлялась оттуда молчаливая, с красным лицом. Вела длинные беседы по телефону – я никогда точно не знала с кем, хоть и основательно поднаторела в искусстве подслушивания, – хныча по поводу душевной черствости Франсины, не дающей ей «достойным образом предаться скорби». Как-никак наша мать пробыла замужем за отцом дольше всех остальных.

Но это ничего не изменило. В гостиной, где все еще сиротливо стояла рождественская елка – порыжевшая и осыпающаяся, как какой-нибудь куст в жаркой пустыне, – выросла гора коробок. Слезы матери уступили место гневу. Книги с размаху шлепались в коробки, кастрюли и сковородки со звоном летели в упаковочные ящики. Но, надо сказать, с хрусталем и стеклянной посудой она обращалась крайне аккуратно. Ни одной рюмки не разбила.

Аннабет собирала вещи чуть ли не все лето – ради полной уверенности в том, что эта «разлучница», как она стала называть Франсину, не наложит лапы на какие-нибудь наши драгоценности или фарфор. Вот тогда-то я и выяснила, кто был отцом Вирджинии.

– Ребенок должен быть рожден и зачат в законном браке, – долдонила Аннабет как-то в телефонную трубку, стоя на коленях перед коробкой с фужерами для шампанского. – Нет, это нельзя узаконить задним числом... Между бракосочетанием и рождением ребенка должно пройти как минимум девять месяцев, или же нужно предъявить медицинское свидетельство, что ребенок недоношен. И все же Вирджинию не исключили! Если это не мошенничество, то я уж и не знаю, как это назвать! Вики тоже. Вики родилась всего лишь через шесть месяцев после их свадьбы!

Ее слушательница, видать, сказала что-то успокаивающее, поскольку тон моей матери изменился.

– Да, да, я знаю, времени полно, – буркнула она. – Ей всего шесть. Нет, естественно, я не хочу, чтобы безвинное дитя несло наказание за грехи Риджа, но, честно говоря, *Вирджиния* – что за имя для незаконного ребенка!¹⁴ Могли бы с таким же успехом назвать ее Адюльтер!

Сходный разговор имел место и на следующий день, и еще через день. Жаркая погода раздражала, Бен и Саммер постоянно цапались между собой и капризничали, и Аннабет начала искать любой повод куда-нибудь нас сплавить. Каждое утро отправляла нас на пляж со строгим наказом не возвращаться как минимум два часа, но мы редко выдерживали так долго. То забывали взять с собой воду, то у нас кончалась еда; как-то раз мы забыли защитный крем от загара, и тонкокожий Бен настолько сильно обгорел, что целую неделю не мог выйти из дома.

Аннабет так отчаянно стремилась остаться одна, что заставила меня попроситься в компанию к Саммер, собиравшейся в гости с ночевкой к своей лучшей подруге, как это было заведено каждый год по окончании каникул. Летиция Букингом с ее мягкими коровьими глазами и черными кудряшками относилась к тому типу пригоженьких дурочек, в которых Саммер души не чаяла. Они были подругами еще с детского сада, но вот я просто терпеть ее не могла.

Не довольствуясь ролью председательши родительского комитета, мать Летиции основала еще и Уэйкфилдский пляжный комитет – организацию, главная задача которой заключалась в том, чтобы поганить уэйкфилдский пляж всякими совершенно непляжными мероприятиями, заполняя его непляжной публикой в непляжных нарядах. Тем летом она уже успела замутить тут парад моды и конкурс молодых дарований. Мистер Букингом даже уложил на песок деревянные мостки, чтобы его супруга могла гордо расхаживать там на высоких каблуках, словно приклеенных к ее слоновьим пяткам. Я всегда держалась от подобных мероприятий как можно дальше, купаясь на самом дальнем конце пляжа, где никто не обращал на меня внимания.

На следующий день после той ночевки миссис Букингом предстояло открыть Уэйкфилдский юношеский пляжный конкурс красоты – для девушек младше шестнадцати, чтобы и Летиция могла принять участие. У дверей дома Букингом ожидали своего часа три широкие наплечные наградные ленты – золотая, серебряная и бронзовая, до кучи с золотой тиарой. Миссис Букингом гордо выставила их на всеобщее обозрение, словно свои личные трофеи.

Я сразу представила себе миссис Букингом с тиарой на голове. Звали ее Селия, и меня всегда забавлял контраст между этим именем – классическим, утонченным – и внешностью миссис Букингом: этой мордой кирпичом и угловатым и неповоротливым, как автобус, туловищем. Она была как минимум лет на десять старше Аннабет, и их ровным счетом ничего не объединяло бы, если б их дочери не оказались не разлей вода. Раз уж на то пошло, то в роли ведущей конкурса красоты скорее ожидаешь увидеть как раз Аннабет – женщину все

¹⁴ Имя *Вирджиния* означает «невинность», «девственность», «чистота».

еще стройную и театрально красивую, а не какую-нибудь престарелую страшилую вроде Селии Букингем.

Селия попивала капучино в своей огромной кухне, посматривая, как мы, девчонки, завтракаем и обсуждаем прогноз погоды. Информер обещал «ветрено», что представляло собой проблему для всех этих воздушных бальных платишек и замысловатых причесонов. Я, недолго думая, высказала предложение переместить мероприятие в городской торговый центр и «оставить пляж людям, которые любят проводить время на свежем воздухе». Селия ожгла меня возмущенным взглядом.

Аннабет уже предупредила нас, чтобы не возвращались домой до вечера, но это вовсе не означало, что мне обязательно предстояло торчать у Букингемов весь день. Можно было отправиться в мое обычное место на дальнем конце пляжа. Компания мне не требовалась – только я и океан.

Но едва я попыталась улизнуть, как выяснила, что на меня имеются другие планы.

– Твоя мать уже заплатила вступительный взнос, – объявила Селия, встав в дверях, непоколебимая, как носорог.

Я перепробовала все возможные отмазки, начиная от тяжелого случая страха перед сценой до вроде бы совершенно непробиваемого лозунга «конкурсы красоты – это эксплуатация женщин», но Селия раздавила все мои аргументы, словно асфальтовым катком. Даже Саммер предала меня, отказавшись присоединиться к моему бунту.

– Давай-ка лучше пойдем и как следует позабавимся, – сказала она. – Сделай это ради мамы. Сама знаешь, как тяжело дается ей этот переезд.

На пляже уже всю хлопали на ветру многочисленные шатры, словно стая огромных чаек, готовящихся взлететь. Но теперь стихия вроде малость утомилась. Позади кое-где просматривался и сверкающий солнечными искорками океан, свободный и дикий, но шатры почти полностью загораживали его – что, несомненно, на вкус Селии Букингем и являло собой истинный образец пляжного антуража.

Зарегистрироваться на конкурс выстроилась длинная очередь девчонок. Все примолкли, когда Саммер, Летиция и я проходили мимо – «блатные», которым не требовалось маяться в очереди. Большинство из соперниц были примерно нашего возраста, может, разве что на год постарше. Симпатичные, но и не ах уж какие красотки.

При мысли о невидимой миру битве, которую наверняка пришлось выдержать Селии против самой себя, я не удержалась от кривоватой ухмылочки. У Летиции, грациозной и бронзовой от загара, победа была бы уже в кармане, если б не юные гости, заглянувшие к ней в дом.

Теперь Саммер с Летицией заполняли регистрационные бланки. Я прочитала свой. «А что такое „скромно и со вкусом“?» – поинтересовалась я, добравшись до пункта с требованиями к купальникам. Можно подумать, что конкурс красоты для малолетних девчонок вообще хоть как-то соотносится со скромностью и вкусом...

– Никаких бикини, – объяснила Селия.

Вдоль помоста, по которому предстояло пройти конкурсанткам, уже кучковалась целая стая извращенцев, так что было облегчением узнать, что никто из них так и не узреет голых девчоночьих животиков. Но мы-то с Саммер взяли с собой только бикини! Предстояло срочно сгонять домой за закрытыми купальниками. Пока мы шли вдоль Бич-Пэрейд, Саммер позвонила Аннабет, поскольку нам было велено не являться без предупреждения.

И тут я с удивлением услышала, что Саммер все-таки пытается отбиться от этого конкурса красоты.

– Я помогу тебе собирать вещи, мам, на сей раз обещаю, – говорила она. – Прости, что от нас было... не так много толку.

Мне было вполуха слышно ответы Аннабет. Естественно, нам надо участвовать в конкурсе! Мы – самые красивые девушки во всем Квинсленде.

В это блистательное жаркое утро волосы Саммер сияли расплавленным золотом, волнами спадая на ее загорелые плечи и опускаясь до самого пояса. На ней были коротенькие белые шортики, и в ее ногах хватало мышц и грации, чтобы ни у кого и язык не повернулся назвать их тощими.

Это была совсем недавняя трансформация. Не знаю, заметила ли сама Саммер, но я-то видела, как мальчишки пялятся на нее. И мужчины. Ни у одной из нас еще не начались месячные, но Саммер уже выглядела как самая настоящая женщина. Лифчик она носила на размер больше, чем я, и чуть раздалась в бедрах, хотя мы по-прежнему могли запросто поменяться одеждой, все было впору обеим.

– В этом-то и проблема, мам, – продолжала Саммер, смаргивая слезы. Тогда с ней это вообще частенько случалось, из-за всяких потерявшихся щеночков и прочей такой сентиментальной фигни. – Мы же не можем выиграть обе, верно? Только представь, как ужасно это будет для той, кому достанется второе место! – И тут же поспешно добавила: – Только ты не подумай, что я уже заранее уверена в результате! Там есть очень симпатичные девчонки.

Из трубки донесся только смех Аннабет – чрезмерная скромность Саммер, похоже, нашу мать лишь изрядно потешила.

И как мне самой не пришли в голову подобные аргументы? Ведь я опасалась того же, что и Саммер. Мы же двойняшки, в конце-то концов, – просто пугало, как часто у нас возникали одни и те же мысли, – хотя мне никогда и в голову бы не пришло сделать вид, что мои опасения не чисто эгоистичные, что я и впрямь волнуюсь, как бы не задеть чувства своей сестры.

Но в том-то все и дело. Саммер не делала вид, не притворялась.

– Да никто не станет разделять вас, девчонки! – воскликнула Аннабет, едва мы добрались до дома. – Вы получите эту корону на двоих!

Доброта – это придурь. Аннабет и вправду верила в свои слова. И, наверное, Саммер тоже верила, поскольку скоро ей предстояло совершить наидобрейший и наидурейший поступок в своей жизни.

* * *

Обитая практически на пляже, мы с Саммер собрали целую коллекцию всевозможных бикини. Единственные имеющиеся у нас закрытые купальники предназначались для школы – скромные, белые и, естественно, одинаковые. Саммер уже вступила в длинную фазу отказа одеваться одинаково, даже дома, так что меня всегда удивляло, почему она помалкивает насчет этих белых купальников.

Вернувшись на пляж, мы с важным видом прошли по подиуму в вечерних платьях, предоставленных какой-то отстойной торговой сетью, спонсировавшей мероприятие, – примерно с тридцатью остальными соискательницами. Я пыталась не смотреть в толпу, изрядно разбавленную красными, как лобстеры, физиономиями похотливых старпёров.

Потом мы переоделись в купальники. Дождаясь своей очереди подняться обратно на помост, я обозрела своих соперниц. Сборная солянка: по-цыплячьи шуплые двенадцатилетние горемыки, мамыши которых использовали этот конкурс вместо продленки; реально симпатичные девчонки, но слишком робкие и зажатые, чтобы нормально держаться на сцене; уродины-мечталки...

Единственное, что доставило мне удовольствие, это напрочь проигранная Селией битва по избавлению этого конкурса красоты от сексуальной составляющей. Старалась она изо всех сил, избрав в качестве судьи пожилую тетку, одну из своих подруг, и настаивая на скромных вечерних нарядах (ниже колена) и целомудренных купальных костюмах. Но все без толку. Одну из девчонок удалили со сцены, поскольку ее купальник открывал бедра чуть ли не до самых подмышек – но не раньше, чем та заслужила из толпы восхищенные присвисты. Селия

тут же вооружилась микрофоном и сделала объявление, строго напомнив собравшимся, что все мы тут «школьницы, а не фотомодели». Но это лишь придало шоу еще более извращенный оттенок.

Объявили десятерых финалисток: меня, Саммер, Летицию и еще семерых девчонок, про которых я сразу же подумала: ну да, подруги, мечтать не вредно. Селия вызвала нас обратно на сцену, и мы кружили по ней, пока не заболели ноги. Судья все никак не могла выбрать кого-то среди нас? Кто-то же должен был подсказать ей, что если на первое место претендуют две девушки, то второе место можно не назначать! Она может присудить Летиции третье и на этом успокоиться.

Помост со сценой был высокий, я вся спарилась, жутко проголодалась и боялась, что под мышками и в шагу проступят пятна пота. И чем дольше мы кружили, тем настойчивей в голову проникало и совсем другое объяснение.

Я никак не могла избавиться от этой мысли. Почему судья все ломает голову? Ответ был совершенно очевиден. Она выбирала между мной и Саммер.

Ясен пень, разделить приз на двоих нам не дадут. Есть только одна золотая лента, только одна золотая корона.

Саммер пофиг, кто победит, и это было заметно. Ее движения были плавными и естественными, на кругленьком личике, не оскверненном макияжем, сияла целомудренная приветливая улыбка. Победит явно она. И дело не в том, что грудь у нее чуть полнее, и не в соблазнительном изгибе бедер и таза. Просто у Саммер есть то, чего у меня никогда не было и не будет. Внутренняя красота. Как та хрень, про которую твердят на телевизионных конкурсах. Типа, истинная красота идет изнутри.

Кому-то не хотелось, чтобы кто-нибудь из этих малолетних соплюшек разрыдался прямо на сцене, так что нас наконец отпустили к зрителям. Победительниц должны были объявить в любую минуту.

Аннабет с Беном объявились, когда мы как раз искали место, где бы сесть. Моя мать нацепила на себя холодную публичную улыбку. И тут Бен бросил на меня взгляд – братский взгляд, полный жалости и дружеского сочувствия, – и я кое-что поняла. Несмотря на всю эту хрень, меня по-прежнему заботил результат. Я не хотела улыбаться и хлопать, пока Саммер сияет в своей золотой тиаре. Это будет позорище, каких свет не видывал.

В голове созрел отчаянный план. Выше на дюнах виднелась старая общественная раздевалка с уборной. Селия Букингом уже танком перла к сцене. Аннабет с головой ушла в разговор с кем-то из мамаш.

– Ща лопну, – бросила я Бену и со всех ног понеслась в сортир.

Из раздевалки было не разобрать содержания объявлений по громкой связи, но до меня все равно доносились обрывки трубного голоса Селии, перебиваемого взрывами аплодисментов. Фантастика! Я пропускаю все самое интересное! Ради вящего реализма я присела в кабинке, спустив свой цельный купальник к лодыжкам и делая вид, что писаю. Еще пять минут, и все закончится. Свою ленту неудачницы я могу забрать и позже.

Тут послышался дробный топот бегущих ног, и кто-то забарабанил в кабинку.

– Дорогая! – задыхаясь, выкрикнула Аннабет. – Ты победила! Ты – королева красоты!

Несмотря на недавнюю уверенность, она была явно удивлена. Просто-таки в изумлении.

Я быстро натянула купальник и пулей вылетела из кабинки, забыв спустить воду. Я все-таки разделила первый приз с сестрой! Другие варианты даже не приходили мне в голову. Аннабет в конце концов оказалась права. То, что доброта – это придурь, вовсе не всегда означает, что доброта – это плохо. Все отлично! Первое место на двоих – это тоже здорово. Я неслась, как по воздуху. Как по облакам на седьмом небе.

Но, подбегая к сцене, чуть не растянулась лицом вниз. Я увидела, что они объявляют победителей в обратном порядке, начав с третьего места.

Саммер уже стояла там, перетянутая лентой, и лента была не золотая.
И не серебряная.

Серебряная лента была на Летиции. Она улыбалась, но ее темные глаза предательски поблескивали. Даже в своем восторженном состоянии я отметила это, поскольку просто не смогла сдержаться, чтобы хоть на минутку не побыть стервой, даже в момент триумфа. Мокрые глаза Летиции подсказали мне, что она рассчитывала на победу. Она вообще нормальная?

Но даже еще более ненормальным был факт, что она обошла Саммер.
И что я тоже ее обошла.

Судыха не только решила, что из двоих близнецов я красивее, – она поместила между нами еще одну девчонку! Слово хотела, чтобы весь пляж знал: выбрать было несложно.

Глаза Саммер были сухи. Она наблюдала за мной, улыбаясь с искренней любовью, смотрела на меня своим солнечным, открытым взглядом. Ее манера держать себя была уже сама по себе в некотором роде победой. Я никогда не смогла бы сделать то, что она делала прямо сейчас.

Я медленно поднялась по ступенькам на подиум. Развернула плечи. Приостановилась на полпути к своему месту, чтобы найти среди зрителей Бена и помахать ему, но и он, и Аннабет оба не сводили глаз с Саммер.

Заняла свое место между побежденными. Судья выступила вперед с моей золотой лентой и тиарой. Сверкающей, как солнце, тиарой. Это было грандиозно!

Селия все еще что-то вещала в микрофон, словно публике требовались какие-то дополнительные объяснения, словно та и так ни фи́га не видела. Слова вроде «очаровательная» и «прелестная» кружились вокруг меня счастливым облаком. Подо мной – восхищенные лица, хлопающие ладони.

Я – Мисс Уэйкфилдский пляж. Я – королева красоты!

Когда тиару водрузили мне на голову, я описала рукой широкий грациозный полукруг. Помахала всем, как это делают королевы красоты в телевизоре. Что заставило их выбрать меня? Саммер и вправду слишком толстая? Но все же говорят, что просто не могут нас различить!

Все мои возражения против конкурсов красоты были напрочь позабыты. Я – самая красивая девчонка в Уэйкфилде!

Я красивее Саммер.

– Дамы и господа, – продолжала Селия, – представляю вам Мисс Уэйкфилдский пляж – Саммер Кармайкл!

Короче, вот какая сестра у меня была. Пока я пряталась в туалете, объявили, что третье место присуждается Айрис Кармайкл, и Саммер поднялась на сцену и приняла за меня все унижение. Она знала, что победила, и при этом позволила мне надеть ленту, позволила получить корону. И она была таким добрым человеком, что подумала, будто мне понравится стоять там, впитывая славу, предназначенную ей, наслаждаться преклонением, быть любимицей толпы...

Доброта – это придурь.

* * *

Нам почти все сошло с рук. Но когда мы уже собирались двинуть домой, всё еще в купальниках и с лентами на плечах, Бен вдруг сказал:

– У тебя кровь на ноге, Айрис.

Смотрел он при этом на Саммер, естественно.

Шрам на ноге у Саммер открылся опять, как это случалось время от времени? Нет, дело было не в этом. У нее начались месячные, просачиваясь сквозь ее белый купальник. Но было

неважно, откуда шла кровь. Важно было то, что как только Бен это сказал, абсолютно все – Аннабет, Летиция, Селия, толпа идущих за нами девчонок – уставились на ногу Саммер. Все увидели шрам, длинный, красный и безошибочно узнаваемый даже под кровавой полосой. «S» – значит, Саммер.

Все теперь знали, кто из двух близняшек кто. И все уставились на меня. На уродливую двойняшку в незаслуженной короне.

– Саммер, дорогая, – послышался дрожащий голос моей матери, – какую чудесную вещь ты сделала для своей сестры!

Я потеряла дар речи. Сорвала с себя ленту, с размаху нахлобучила тиару на голову сестры. А потом сорвалась с места и со всех ног побежала туда, куда мне отчаянно хотелось попасть весь день. К океану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.